

Евгений Ивершенко

18+

Номер 1

Евгений Юрьевич Ивершенко

Номер 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50803051

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07576-4

Аннотация

Первая книга из серии «о судьбах» погрузит Вас в мир, в котором фантазия похожа на реальность, а реальность настолько фантастична, что уже не понять, где грань, разделяющая явь и вымысел. Оскар живет на границе этих двух реалий, перепрыгивая из галлюцинации в реальность и обратно, от одного трагического события к другому, не понимая, где фантазия, а где реальность. Он не знает ни причин всего, что с ним происходит, ни того, куда все это его приведет, и пытается найти ответ на вопрос: сходит ли он с ума, или что-то другое кроется за всем происходящим?

Одиночество бывает приятно, когда у тебя есть друзья, от которых хочется отдохнуть. Но если вокруг тебя огромное количество сумасшедших, с которыми и поговорить-то не о чем, то в этом случае одиночество является самым суровым, самым жестоким наказанием. Оно медленно, но верно убивает твою душу, расплывается сознание, растекается разум, мозг становится похож на желе, делая тебя одним из них. В лечебницу не отправляют психов, их из нее выпускают, как из своего рода школы. А на выпуске выдадут диплом, с количеством выпитых тобой препаратов и вручат фотографию с надписью каллиграфическим почерком на обороте: «выпуск такого-то года». Если с головой у тебя все в порядке, и если ты вдруг ни с того ни с сего совершаешь что-то сумасшедшее, и если тебя отправляют сюда, будь уверен, отсюда вернешься уже напрочь съехавшим с катушек.

Огромное серое пятиэтажное здание, построенное в форме буквы «П» вокруг небольшого подобия парка, предназначенного для коротких ежедневных прогулок под надзором и пересеченного несколькими асфальтированными прогулочными дорожками с деревянными скамейками вдоль них. И ты вынужден бесцельно топтать траву в компании душевнобольных, делая вид, что ты один из них, пытаешься слиться с этой многоликой толпой, пытаешься не привлекать лишнего внимания, которое тебе же выйдет боком, стараясь не сделать чего-нибудь такого, что может спровоцировать твоих новых друзей на конфликт, который в любом случае окон-

чится для тебя не самым приятным образом: закованный в смирительную рубашку, ты будешь часами бродить по пустой три на три метра мягкой комнате в абсолютной сводящей с ума тишине, или тебя пристегнут толстыми жесткими кожаными ремнями к койке, накачав наркотиками, чтобы ты как можно быстрее отключился, и чтобы как можно дольше не приходил в себя, переставая быть угрозой для порядка в этом маленьком идеальном королевстве, управляют которым жалкие, неудавшиеся тираны недоучки.

Бывшее военное учреждение, обнесенное металлической сеткой с колючей проволокой над ней для пущей уверенности. На окнах металлические решетки, чтобы самые умные, такие, как ты, не сделали того, что повредит имиджу заведения. Ведь оно призвано спасать и лечить заблудшие души, помогать бедным сынам и дочерям божьим сбившимся с пути, чему твоя попытка суицида никак не будет содействовать. Все должно служить определенной цели, и чем благороднее эта цель, тем больше лишений ты будешь переносить, и тем больше ты будешь страдать здесь, в одиночестве, забытый друзьями и родными. Ведь кому захочется ехать куда-то в неизведанную глушь лишь для того, чтобы навестить чокнутого друга или родственника, ведь проще сказать всем, что ты умер и не позорить честь семьи тем, что в роду у вас есть психи. Они даже соорудят фальшивую могилку на ближайшем кладбище, куда на твои похороны пригласят всех друзей и знакомых и будут говорить со всей искренностью

о том, какой ты был хороший человек. А ты тем временем, будешь гнить в этом богом забытом месте, находясь в глуши, в изоляции от внешнего мира, ты сможешь, наконец, в полной мере насладиться прелестями одиночества и стать членом этой замечательной общины.

Говорят, в тесноте, да не в обиде. Но иногда уж лучше быть обиженным и в гордом одиночестве проводить время. В палате, битком набитой братьями по несчастью, ты будешь засыпать и просыпаться. В палате, где одновременно живут пятьдесят человек, где койки сдвинуты так тесно, что ни о каком свободном проходе между ними и речи не идет, и чтобы пробраться к своей постели, придется пробираться по чужим телам и головам, и гневные крики и жалобные стоны будут провожать тебя до твоего места. В палате, где кроме коек нет и намека на мебель, лишь тумбочка у твоей постели, которую тебе придется делить еще с десятью новыми друзьями, а порой даже тумбочку у тебя отберут. И ты будешь вынужден хранить все свои вещи под матрасом или под подушкой или на подоконнике, где обязательно их сопрут сразу же, как только ты отвернешься. Твое жизненное пространство ограничено краями твоей постели и жалким кусочком свободного места на прикроватной тумбе – жалкий клочок площадью в полтора квадратных метра – это твоя новая среда обитания, твой новый дом. А если очень повезет, то тебя разместят в коридоре, где каждый, кому взбредет в голову ночью сходить в туалет, будет спотыкаться о твою постель и будить

тебя, и вряд ли ты сможешь вернуться ко сну, ведь за ним, повинувшись стадному чувству, последуют его друзья, все так же спотыкающиеся о тебя.

Голые растрескавшиеся стены, скользкий пропахший хлоркой пол – вот твой новый дом, люби его. Забудь о домашнем уюте, забудь о предметах интерьера, о декоре, о самых простых украшениях – ничего этого ты не встретишь здесь. Лишь монотонно-серые стены, разрисованные древней, как сама земля, паутиной трещин, будут сопровождать тебя везде и всюду, куда бы ты ни пошел.

Прежняя жизнь исчезает, уступая место жестко регламентированному, прописанному до последней секунды распорядку дня. Подъем в шесть, первая доза лекарств, завтрак, вторая доза лекарств, обед, и снова лекарства, затем ужин, очередная доза таблеток и спать. Так называемый режим закрытых дверей в полной мере соответствует своему названию. Единственное место, куда ты можешь свободно пойти – туалет. Остальные двери наглухо заперты, и ключ добыть нет ни единого шанса. В перерывах между приемами пищи и лекарственных препаратов, ты будешь проводить время в так называемой комнате отдыха, где единственным твоим развлечением будет игра в шашки против полу-умного соперника, а вокруг вас соберется толпа поклонников, каждый из которых будет болеть за своего претендента на звание местного чемпиона.

Или же тебя выведут на прогулку в местное подобие сада,

где за тобой и еще кучкой отдельно взятых индивидов будет вестись постоянное наблюдение. Каждый твой шаг, каждый вздох будет замечен и доложен твоему лечащему врачу, который, как ни странно, искренне переживает за тебя и всем сердцем желает твоего скорейшего выздоровления. Они будут выгуливать тебя, как домашнее животное, и давать пинка всякий раз, как ты совершишь какую-нибудь непростительную глупость.

Вероятно, кому-то такая жизнь покажется раем на земле. Тебя кормят и поят три раза в день. Водят в ванну и убирают за тобой, если ты сам не в состоянии дойти до туалета. Для кого-то это место может показаться первоклассным санаторием или даже курортом, местом для отдыха, куда съезжаются все сливки общества, ведь только здесь ты можешь завести знакомство с самой английской королевой и Наполеоном Бонапартом в один день. Разве не чудесно было бы познакомиться с Сальери или Моцартом, или даже с самим Далай-ламой или Ганди. А лекарства, которые ты каждый день будешь получать по расписанию, унесут тебя в самую волшебную и прекрасную страну. Там ты можешь стать мудрым правителем или отважным героем и спасти прекрасную принцессу или, если так хочется, ты можешь быть отъявленным злодеем и вершить свое собственное правосудие. Ты можешь быть, кем угодно, и делать, что хочешь, там, куда тебя унесут эти волшебные синие, зеленые и красные шарики. Съешь один, и тогда счастье и радость мягко опустятся

на дно твоего желудка, все тревоги исчезнут, и ты будешь свободен. Абсолютно.

Со временем ты начнешь осознавать, что ты уже не тот, кем был когда-то. Поймешь, что твой мир, там за стеной, уже не твой. Ты станешь потерян для своей реальности. Ты перестанешь ей принадлежать и будешь вспоминать о своей прежней жизни, как о каком-нибудь приятном воспоминании, где ты мог что-либо изменить. Здесь же твоя вера в это уже не имеет значения, и выбор уже не принадлежит тебе. Ты станешь марионеткой, пленником этой системы, словно кузнечик, запертый в спичечном коробке, ты можешь лишь мечтать о том, чтобы вырваться на свободу. Твоя жизнь уже не будет принадлежать тебе. Ты станешь всего лишь цифрой в одном из их отчетов. Ты статистический материал для будущих учебников по психотерапии. Ты всего лишь тысячная доля процента в их исследованиях, не способная повлиять на общий результат. Ты станешь никем. Даже имя у тебя отберут, ты станешь просто очередным пациентом с номером на груди. Один из тысяч, десятков тысяч, миллионов, не имеющих права голоса. То, во что ты когда-либо верил, уже не имеет смысла здесь. Здесь другая вера. И со временем она поглотит тебя, поработит так же, как и миллионы до тебя. Ты станешь тем, кого они хотят видеть перед собой. Тем, кто для них удобнее. Ты станешь рабом, работающим за еду. Их, так называемая, трудотерапия, призванная через работу вернуть тебя в общество и помочь адаптироваться, это все-

го лишь ширма для узаконивания этой новой рабовладельческой системы. Никто не станет следить за соблюдением человеческих прав душевнобольных. Армия безмозглых рабов, не способных к самостоятельному адекватному мышлению, готовая служить властвующим здесь господам в обмен на пищу и очередную пригоршню билетов в волшебную и сказочную страну грез. Самые что ни на есть титанические усилия будут приложены лишь для одной цели – удержать тебя здесь на как можно больший срок. Ты будешь жить, как раб, есть, как раб, спать, как раб, даже в туалет ходить, как раб. Ты ощутишь на себе всю прелесть спартанской системы воспитания и перевоспитания. Ты будешь есть только тогда, когда тебе скажут, и только то, что тебе скажут. Одно и то же блюдо на завтрак, обед и ужин семь раз в неделю, пока тебя не станет выворачивать от одной только мысли о еде. И ничто не в состоянии это изменить, ты будешь продолжать есть это, ведь инстинкт все равно силен в тебе, ты хочешь жить, пусть так, но жить. Тело твое будет ныть и стонать от побоев и синяков, которыми тебя будут угощать в изобилии. Ты будешь спать в одной комнате с полусотней таких же, как ты, в одном крошечном помещении, как животные на ферме. Но ты будешь жить.

Каждую неделю тебя и все твои принадлежности будут изучать под пристальным вниманием, изымая у тебя любой колющий или режущий предмет, все что угодно, что может причинить вред тебе или кому бы то ни было еще. Любой

острый предмет, будь то бритва, ножницы, нож или вилка, которые ты можешь стащить и припрятать, отберут у тебя с легкостью, ты для них не опаснее маленького ребенка с конфеткой.

Забудь о своих друзьях и родных. Никто не захочет ехать за тридевять земель, чтобы увидеться с тобой. Даже если кто-то и решится, то никаких интимных встреч и доверительных бесед не будет. Под строгим и пристальным взглядом одного из здешних управленцев ты будешь общаться с тем, кого принесет сюда. Каждое слово, которое ты произнесешь, будет заранее отрепетировано тобой. Ты будешь говорить только то, что они хотят, чтобы ты сказал. Ты не сможешь пожаловаться, не сможешь попросить помощи. Для них ты будешь в полном порядке, и не дай бог, чтобы ты ненароком обмолвился об истинном положении вещей, иначе ты прямоком отправишься в изолятор, с голыми бетонными стенами и холодным каменным полом, без света, еды и воды. Неделю или больше ты проведешь в одиночестве, страдая от голода, холода и жажды, взывая, моля о помощи, но никто тебя не услышит. Ты будешь наедине с собой и с Богом, любимым на твой выбор, но вряд ли он поможет тебе в этот страшный для тебя час. В этом заведении господствует Сатана собственной персоной в облики начальника этого чудесного заведения.

Или тебя могут бережно укутать в смирительную рубашку, лишая свободы движения. Ты можешь брыкаться, кататься по полу, но, если ты не Гудини, освободиться самому те-

бе не удастся. И тебе придется героически нести этот крест, невзирая на то, что даже самостоятельно поехать или сходить в туалет тебе будет не под силу. Ты станешь их игрушкой, объектом для насмешек и издевательств. Ты будешь лишен большей части того, к чему привык, что для тебя является само собой разумеющимся. Тебе придется унижаться и просить, умолять этих вырожденков помочь тебе, а они будут смотреть тебе в глаза, плевать тебе в лицо и смеяться, наблюдая за твоими мучениями, пока, наконец, одному из них не надоест этот твой цирк и его мощный кулак не соприкоснется с твоим незащищенным животом, сотрясая внутренние органы и заставляя тебя падать на колени и терять контроль над своим организмом. И ты на себе испытываешь чудовищный зов природы. А они будут все так же стоять, схватившись за животы, и смотреть на тебя, корчащегося на полу в гигантской луже своих испражнений. Двое из них схватят тебя и поволокут, как мешок с мусором, в сторону ванной. Они закинут тебя внутрь и включат воду на полную, а ты будешь лежать все так же связанный, купаясь в струях холодной воды. Она будет отрезвлять тебя и не давать отключиться от собственной вони и отвращения к себе. Когда-нибудь, когда им надоест смотреть на твои мучения, они разденут тебя и дадут жесткую мочалку. И целого куска мыла не хватит, чтобы отмыть тебя дочиста и избавить от запаха. А ты будешь тереть себя до крови, в попытке смыть все это отвращение с себя. Ты будешь тереть и тереть себя, не смотря на боль, не смотря

на кровавые отметины от мочалки на твоей нежной бархатной коже, так не привыкшей к такому суровому обращению.

Под конец тебя, наконец, отведут в твою палату, где ты с огромным трудом будешь пробираться через завалы человеческих тел, так неудобно разлегшихся на пути к твоей койке. Ты ляжешь в постель, укроешься одеялом до подбородка и с досадой, на более сильные чувства ты уже не будешь способен в эту ночь, обнаружишь, что часть твоих вещей исчезла с твоей части тумбочки, и ты знаешь, что бесполезно пытаться их отыскать. Ты навскидку прикинешь в уме, кто бы мог взять твои вещи, но вскоре забудешь об этом, ведь все твои мысли вернутся к сегодняшним событиям, ты вспомнишь свой новоприобретенный опыт. Ты будешь возвращаться к этим событиям снова и снова, прокручивая их у себя в голове раз за разом, переживая заново каждый раз всю ту душевную боль и унижение, которые испытал и которые навсегда оставили в твоей душе неизгладимый след. И ты втайне затаишь злобу на тех свиней, что подвергли тебя этому. Ты будешь представлять в деталях, как отомстишь им, как ты расправишься с ними. Из когда-то вежливого и скромного парня ты медленно будешь превращаться в прогнившего насквозь мерзавца, в садиста. Ты осознаешь, что частичка твоей души была убита в этот день и эту пустоту заполнят их боль и страдание.

Затем твои мысли снова вернутся к тому, с чего все началось. Ты вспомнишь, кто ты на самом деле и что ты за чело-

век. И ты поймешь, что ты не сможешь сделать всего того, о чем мечтаешь в глубине души. И в тот момент тебя впервые за всю твою несчастную жизнь посетит мысль о самоубийстве. Ты будешь перебирать в голове различные варианты, начиная с перерезанных вен и заканчивая петлей на шее. Ты почувствуешь, что это верное решение и что завтра же ты это сделаешь. Но чем больше ты будешь думать о суициде, тем страшнее тебе будет становиться. Ты поймешь, что не можешь вот так просто уйти из жизни. Не смотря ни на что, ты все же хочешь жить, пусть так, пусть в постоянном страхе и унижении, но ты будешь жить. Ты сделаешь все, приложишь все возможные усилия, лишь бы цепляться за эту тонкую хрупкую соломинку, которая зовется жизнь. Самосохранение – мощный стимул. И глубоко в душе ты сохранишь этот едва блещущий лучик надежды, что однажды тебе повезет, что однажды Бог заметит тебя в этом дьявольском царстве и протянет тебе ладонь, и ты будешь спасен. С этими мыслями, более или менее успокоившись, ты провалишься в сон без сновидений, а на утро ты будешь чувствовать себя на удивление хорошо, ведь ты жив, а, значит, надежда еще есть. Быть может, сегодня госпожа Удача отвернет от тебя свою спину и улыбнется, глядя тебе в глаза.

Я отчетливо, до мельчайших подробностей помню свой первый день в этом богом забытом месте. Мы ехали минут сорок. Старая, ржавая, разваливающаяся на части, держаща-

яся на одном лишь честном слове машина скорой помощи везла меня по извилистой и ухабистой дороге. Водителя, кажется, совсем не заботили ни моя сохранность, ни сохранность казенного автомобиля. Он будто специально на ухабах давил на газ, вместо того чтобы сбавить скорость. Машина подпрыгивала на кочках, как гимнаст на трамплине. Металл скрипел и стонал, но колеса продолжали уверенно прокладывать себе дорогу по этому нелегкому и бугристому пути. В задней части машины, где я сидел под охраной, окон не было. Я мог лишь, руководствуясь ощущениями, мысленно представить, что происходит снаружи. Мне казалось, будто меня везут в самое сердце ада, настолько неровной была дорога, что ни в какое другое место привести нас она никак не могла.

Я был крепко пристегнут к креслу, но даже это не помогало мне оставаться на месте во время невероятных автомобильных кульбитов. Кресло было жестким, и, когда автомобиль подпрыгивал, я каждый раз ударялся о сиденье и спинку. Будто везли не живого человека, а стог сена на прокорм скота. Позвоночник глубоко впивался в твердую поверхность кресла, отчего боль разливалась по всему телу, отчего на нем появлялись синие кровоподтеки.

– Куда мы едем? – Осмелился я спросить у своего сопровождающего.

Тот смерил меня холодным взглядом и сказал жестко:
– Заткнись.

Больше я его ни о чем не спрашивал. Я боялся, что если еще раз заговорю с ним, то все может не ограничиться грубым тоном, мне не хотелось получить удар от натренированного в этих делах специалиста. Всю оставшуюся дорогу он мерил меня пристальным взглядом, отчего казался похож на змею, готовую к прыжку. В какой-то миг лицо его переменялось. Зрачки сузились, превратившись в две тонких полоски. Из ноздрей повалил густыми клубами черный дым. Он ухмыльнулся, обнажив острые, похожие на кинжалы зубы, растущие в несколько рядов, как у акулы. Раздвоенный язык на мгновение высунулся из пасти и сразу же скрылся. Салон в машине тоже переменялся. Крыша покрылась толстым слоем ржавчины, осыпающейся, как осенний листопад, на каждой кочке, на каждом повороте.

Я инстинктивно вжался как можно глубже в кресло, отчаянно пытаюсь найти защиту. Улыбка на лице сопровождающего расплылась еще шире. В глазах его отражалось желание поскорее вонзить мне в шею острые, как бритва клыки. Он подался вперед, отчего я весь съежился на кресле и зажмурился, как какой-нибудь испуганный ребенок, увидевший чудовище в чулане.

Когда я открыл глаза, все вернулось на круги своя. Охранник все так же сидел напротив меня, не скрывая садистскую улыбку.

Машина сбавила ход и, наконец, со скрипом остановилась. Двери распахнулись и мой надзиратель, не церемонясь,

выволок меня наружу. Был вечер. Солнце уже опустилось за горизонт, уступив трон луне. Надо мной возвышалось невысокое пятиэтажное здание. Серые стены, железные двери, металлические решетки на окнах. Свет, падающий из окон, рисовал на земле узоры, похожие на огромные распахнутые нечеловеческие пасти, а тени от решеток наполняли эти зияющие пасти зубами.

Двое санитаров, похожих друг на друга, как две капли воды, отвели меня внутрь. Один из них вручил дежурному какие-то бумаги, касающиеся меня. Тот кивнул и меня повели дальше, в кабинет к, как мне показалось, психиатру. Кабинет был просторный, стены увешаны различными дипломами, благодарностями и фотографиями, на которых он пожимал руки людям мне неизвестным, но явно имеющим авторитет в определенных кругах. Он сидел за столом, перебирая какие-то бумажки. Братья-близнецы усадили меня на стул перед врачом, и вышли, оставив нас наедине. Он так и продолжал возиться со своими бумагами, делая вид, что меня здесь нет. Наконец, он снизошел до меня.

– Так, значит, вас зовут Оскар. – Сказал он сдержанно. – Я могу к вам так обращаться?

Мне не было никакой разницы, как он меня называет. Я кивнул. Мой отрицательный ответ все равно ничего бы не изменил. Он тут главный, он будет обращаться ко мне так, как сам этого захочет.

– Кстати, меня зовут доктор Смит. У меня здесь ваша

больничная карта. Очень занимательно.

Он отложил мою карту и посмотрел на меня холодным, изучающим взглядом. Наверное, паук так же смотрит на муху, попавшую в его паутину и тщетно пытающуюся вырваться. Я ответил на его взгляд. Мы смотрели, не моргая, друг другу в глаза. Я чувствовал себя некомфортно под его тяжелым взглядом, всеми силами стараясь не опускать или не отводить в сторону глаз. На лбу появилась горячая испарина, я почувствовал, как мои щеки и уши заливаются краской. Глаза начали слезиться. Струйки пота стекали по лбу, по щекам, собираясь капельками на подбородке и на кончике носа и капая вниз. Из подмышки тонкой соленой струйкой стекала капля пота, щекоча и заставляя ерзать, как если бы под рубашку залетело насекомое. Взгляд врача давил все сильнее, подавлял волю к сопротивлению. Я почувствовал, что больше не могу терпеть его взгляд на себе и опустил глаза.

– Галлюцинации, видения, хождение во сне, буйное поведение. Все это признаки острого психического расстройства, – он говорил это так, словно был рад такому пестрому букету психических расстройств и тому, что я оказался здесь, в его лапах. – Государство поручило мне заботу о вас и ваше лечение. – Теперь он говорил, как с маленьким ребенком. – Я уверен, что наше сотрудничество принесет огромную пользу вам, мне и обществу.

Я не ответил ему ничего. Я лишь слушал, прекрасно понимая, что он имеет в виду на самом деле. Я осмелился под-

нять глаза, он все так же смотрел на меня. Его палец нажал кнопку, расположенную на столе. Раздался короткий звонок. Дверь распахнулась, и вошли двое моих прежних проводников. Смит кивком головы указал на дверь. Меня подхватили под руки и вывели. Меня повели дальше по коридору, только теперь уже меня тащили два жутких существа. Большие головы были увенчаны рогами. Вместо носа два крошечных отверстия, похожих на щели для мелочи в автоматах с дешевым, на вкус напоминающим мочу, кофе. Из зубастой пасти свисает длинный змеиный язык. На руках по три пальца, каждый из которых оканчивался острым когтем. А ноги заканчивались копытами. От страха я не мог пошевелиться и боялся даже представить, куда меня несут. Каждый их шаг гулко отдавался в ушах, словно бой барабанов. Меня несли спиной вперед, отчего ноги волочились по полу, оставляя глубокие борозды на, казалось бы, твердом мраморном полу. Я вдыхал запах серы, заставляющий желудок выворачиваться наизнанку. Наконец, отворилась какая-то дверь, и меня заволокли в нее.

Это было тесное пустое помещение с металлическим столом в центре и ярким, режущим глаза освещением. На противоположной стене была следующая дверь. Сопровождающие вернулись в свое прежнее обличие.

– Раздевайся. Вещи на стол. – Приказал один из них скучающим голосом.

Мне не оставалось ничего, кроме как подчиниться. Я сни-

мал вещь за вещью, выкладывая их на стол. Один из санитаров заполнял какой-то бланк, второй складывал мои вещи в мешок. Когда я полностью разделся, они оба изучающее осмотрели меня, переглянулись, обменявшись только им понятными знаками.

– Пошел дальше, – сказал один из них, указывая на дверь. Дверь вела в просторную душевую. Такая же белая и чистая, как и предыдущая комната. Душевой шланг свисал с потолка, напоминая мертвую змею. Я встал под ним и повернул кран. Я ожидал, что он оживет и петлей обмотается вокруг моей шеи. И я повисну в десятке сантиметров над полом, не способный сделать вдох. Жизнь будет медленно покидать меня, и лишь одна мысль будет радовать меня. Когда ноги перестанут дергаться, все мышцы в моем теле полностью расслабятся, выплескивая продукты жизнедеятельности на пол, и двум братьям санитарам придется соскребать все это с пола. Но вместо этого, на меня водопадом полилась прохладная вода.

Я помылся, смутно сознавая, что, вероятно, это мой последний нормальный душ. Когда я закончил, один из братьев бросил мне какой-то сверток.

– Одевайся, – сказал он.

Это была одежда. Белый комбинезон на липучках и белые тапочки. Второй брат подошел ко мне, когда я оделся, грубо схватил за руку, задрал мне рукав и приложил мне к запястью какой-то прямоугольный металлический предмет. Ты-

сяча игл вонзилась в запястье, проникая под кожу. На руке остался отпечатанный черной краской номер.

– Пациент номер один два три пять восемь. – Сказал он. Второй брат записал продиктованный номер в какой-то документ.

Затем меня повели по очередному коридору, по каждой стороне которого через одинаковые промежутки располагались двери в палаты, запертые на ночь. Один из братьев держал меня, а второй открыл дверь одной из палат. Окон на двери не было, и заперта она была на три замка. Около пятидесяти коек, прижатых тесно друг к другу, так, что прохода почти не оставалось, были расположены в этой палате. До некоторых коек можно было добраться только по головам.

– На, – сказал первый брат, протягивая мне две пилюли и пол стакана воды.

– Что это? – Решился я спросить.

– Пей, – сказал второй брат тоном, не терпящим возражений. Я подчинился. – Теперь лезь туда. – Он указал мне на мою койку, стоящую почти у самой стены. Окруженная со всех сторон другими спящими пациентами, она была неприступна. Увидев мое замешательство, первый брат сильным ударом в ухо свалил меня на пол. Когда я поднялся на ноги, он повторил:

– Лезь.

Мне пришлось подчиниться. Я перебирался через завалы тел, то и дело, наступая в темноте на руки, на ноги или голо-

вы. Но ни звука я не услышал себе вдогонку, все они, накачанные лекарствами, крепко спали. Я упал на свое место, залез с головой под одеяло. Я впервые, с момента смерти Гарри остался в относительном одиночестве. Воспоминания нахлынули бурным потоком. Вскоре я почувствовал, что таблетки начинают действовать. Они постепенно уносили меня подальше от реальности, оставляя все тревоги и сомнения позади. Долгий-долгий сон без сновидений, дарующий отдых не только телу, но и душе поглотил меня.

Вам, скорее всего, интересно, почему я оказался в подобном месте, что было первопричиной, тем самым, что сработало спусковым крючком и обрушило лавину сумасшедших событий на меня и моих близких. Да, меня тоже мучает этот вопрос. Но гораздо сильнее меня мучает другое. Почему именно я оказался в центре этих событий? Что ж, вернемся к началу, не к самому началу, разумеется, ведь скучная, однообразная жизнь Оскара с самого рождения вряд ли кого-либо заинтересует. Пожалуй, начну с того момента, который я, оглядываясь назад, считаю самой первой снежинкой в последующей лавине. Все началось со слов.

Ты не тот, кем себя считаешь.

Ты не принадлежишь этому миру.

Взгляд затуманен. По лицу ручьем стекает пот. А в дрожащей и влажной руке у меня исписанный, мятый лист бумаги.

Твой мир не существует.

Реальность, в которой ты живешь, поддельна.

Твоя жизнь не принадлежит тебе.

Я не помнил, как я все это написал. Эти бессмысленные слова. Фразы. Предложения. Туман в голове не хотел рассеиваться, мозг не хотел говорить мне, когда, а самое главное, почему я (или кто-то еще) написал эту чушь.

Выбор, который ты делаешь каждый день – иллюзорен.

Все, во что ты веришь, не имеет значения.

Какое-то наваждение. Одержимость? Для кого я написал это? Или это послание для меня от меня самого? От моего сумасшедшего Альтер Эго. Уставившись в листок, читая снова и снова эти бессмысленные предложения, я напрягал мозг, с каждой секундой все сильнее и сильнее, пытаюсь понять хоть что-то.

Неожиданный хруст, нарушив тишину, вернул меня к реальности. Карандаш, который я нервно сжимал в руке, разломился пополам. Я медленно разжал пальцы, кости хрустнули. Стол, в том месте, где лежал мой кулак со сжатым карандашом, был мокрый. Соленая лужица растекалась от центра, где лежала моя рука, и тоненькой струйкой капала на пол. Я слышал всплеск каждой капли, низвергающейся этим соленым водопадом с высоты моего письменного стола на пол. Карандаш в руке набух и размяк от влаги и больше не годился для письма. Сколько же я просидел в таком положении?

Я скомкал исписанный лист и выбросил вместе с беспо-

лезно разбухшими деревяшками в мусорную корзину под письменным столом. Корзина оказалась битком набита бумажными шариками. Я достал один из скомканных листов и развернул его. Он был исписан сверху донизу. Почерк был мой и в то же время это писал не я. Буквы скакали, не в состоянии оставаться на одной строчке, будто развлекались, прыгая на батуте, вверх-вниз, вверх-вниз. Одна и та же фраза повторялась вновь и вновь.

Твой выбор не принадлежит тебе.

Эта фраза не давала покоя, вгрызалась в мозг, не давая думать ни о чем другом. Я достал еще несколько листов, каждый из которых был испещрен одними и теми же повторяющимися абсурдными, не имеющими смысла предложениями:

Этот мир не твой.

Ты живешь не своей жизнью.

Ты – это не ты.

Я лихорадочно, один за другим, доставал листы из мусорного ведра. Одну за другой я разворачивал эти записки – записки сумасшедшего – написанные мной в страшном бреду. Все они были одинаковы. Не по форме, но по содержанию. Как будто я был одержим кем-то, или чем-то. Какая-то навязчивая идея. Я чувствовал, что в любое время она снова может завладеть мной, что я опять потеряю контроль. Я боялся, что в следующий раз все может не ограничиться простым переводом бумаги. Я боялся, что могу сломать что-ни-

будь большее, нежели карандаш. В своем трансе я мог натворить что угодно.

Я попытался встать. Ноги подкосились. Мышцы затекли от долгого сидения. Все ощущения ниже колен пропали, будто я всю ночь просидел, не двигаясь, в одном положении. Сколько же времени прошло?

Я растянулся на полу, вытянув ноги, позволяя крови беспрепятственно достигнуть кончиков пальцев, возвращая онемевшие конечности к жизни. Я почувствовал легкое покалывание, слабость и боль в ногах, когда попытался подняться. Я был рад этим ощущениям. Они говорили, что я жив. Они медленно возвращали меня к реальности.

Шатающейся походкой, держась за стену, я добрал до кухни, достал из шкафа стакан. Руки безжалостно тряслись, будто я был на последней стадии болезни Паркинсона, будто я в один день превратился в глубокого невротичного старика. Я открыл кран. Он пробурчал что-то недовольным утробным голосом, два раза отрыгнул небольшое количество воды мне в стакан и затих. Я осушил стакан в пол глотка.

В надежде найти что угодно, способное утолить жажду, я залез в холодильник. Отхлебнув молока из коробки, я с гневом отшвырнул его прочь. Кислое, свернувшееся молоко комками медленно стекало по стене, словно мозг, вышибленный выстрелом из дробовика в упор. На языке остался привкус гнили, заставляющий содержимое желудка начать свое восхождение вверх по пищеводу, подниматься к горлу

и извергаться в судорожном порыве отвращения.

Запачканными в желчи и желудочном соке руками, я потянулся к дверце холодильника, туда, где была припрятана для особых случаев, бутылка дешевого столового вина. Этот случай явно был особым, самым особым из всех, самым особым из всех мною пережитых до этого. Я отвинтил крышку и жадно присосался к бутылке. Двенадцати с половиной процентный спиртовой раствор с привкусом винограда сорта «Изабелла» вливался мне в рот, даруя мне желанное облегчение и освобождение от земных проблем. Это был билет в чудесную страну грез.

Нет! Я хотел, чтобы так было, страстно желал этого, жизнь готов был отдать за пару глотков крепкого напитка, но ни капли ни пролилось из бутылки, ни единой капли не пролилось на мой засохший язык. Что за черт!

Я в гневе бросил бутылку в стену. Донышко со звоном откололось, живительная жидкость, когда-то наполнявшая эту емкость, стремительно покидала ее, и меня заодно, оставляя меня в бессильном одиночестве, наедине со своим сумасшествием, кричащего, извергающего проклятия в адрес бесследно утекающему облегчению. Прислонившись спиной к двери холодильника, я медленно сполз на пол, продолжая посылать, уже хрипло и едва слышно, проклятия в сторону темно красной лужи.

Не знаю, как долго я просидел в своем отчаянии. Поток ругательств постепенно иссяк, горло саднило, силы были на

исходе. Если это сон – я хочу проснуться. Если нет – то лучше умереть.

Встать не было сил. Подняться на четвереньки – единственное, на что их хватило. Я медленно пополз в направлении спальни. Я был полугодовалым ребенком, не способным самостоятельно ходить. Медленно перебирая руками, волоча ноги по скользкому, гладкому кафелю, я оставлял за собой шлейф из своего наполовину переваренного обеда и отвратительного, тошнотворного запаха.

Схватившись руками за дверной косяк, я с трудом поставил себя на ноги. Из гостиной доносились какие-то звуки. Странно, я не помню, чтобы приглашал гостей. Я зашел в гостиную. На диване, откинув голову назад, сидела Кристина. Я окликнул ее, но она и головы не повернула в мою сторону. Я позвал ее еще раз, на этот раз громче, но результат был тот же. Я подошел к ней поближе и протянул руку, чтобы встряхнуть ее и разбудить. Во лбу у нее зияла огромная дыра размером со зрелый апельсин. Края отверстия были рваными, лоскуты кожи, торчащие в стороны от раны, напоминали цветочные лепестки. Красной жидкостью, стекая по спинке дивана, на пол капала кровь, собираясь в огромную лужу. От испуга и ужаса я отшатнулся и упал на пол, запутавшись в собственных ногах. Тошнота в очередной раз подкатила к горлу. Не отрывая взгляда от мертвого тела Кристины, я пополз назад к выходу. Что-то больно ударило по голове, отскочив в сторону. Это оказался деревянный игрушечный

детский кубик. Откуда он здесь?

– Оскар, привет! – Услышал я детский голос откуда-то сверху.

Я поднял голову. Повернув радостное лицо ко мне, на полке сидел Гарри, сын Кристины. Руками, запачканными в крови, он возводил какое-то сооружение из кубиков. Я вскочил на ноги и выскочил из гостиной, спасаясь бегством от этого кошмара. Я взял направление в сторону своей спальни на втором этаже. Запнувшись обо что-то, какую-то детскую игрушку, я растянулся на полу.

Я дополз до лестницы, ведущей на второй этаж, она казалась бесконечной, уходящей куда-то вдаль, ей не было конца, только небеса были пределом. Пальцы ухватились за перила. Я подтянул себя, пытаюсь найти опору для ног и встать.

Я чувствую, как гравитация неумолимо тянет меня к земле. Ноги с огромным трудом отрываются от пола и каждый шаг требует огромных, нечеловеческих усилий, будто ноги заковали в тяжелые свинцовые кандалы. Каждый шаг отбирает все больше и больше сил. Колени подгибаются, отказываясь держать вес моего тела. Земная сила притяжения давит тем сильнее, чем выше я поднимаюсь. Ноги становятся все тяжелее и тяжелее, будто я прибавляю в весе с каждым своим шагом. Каждая нога становится будто весом в тысячу килограмм. Ноги увязают все сильнее и сильнее, погружаясь все глубже и глубже в несуществующее болото. На шее затягивается ошейник, душащий каждый мой вдох. А поводок в ру-

ке самого дьявола, тянущего меня все настойчивее и настойчивее вниз. Последняя ступень, последний шаг и я без сил падаю лицом в высокие джунгли зелено-коричневого ковра. Из последних сил, как партизан, я ползу по этим джунглям к заветной цели – двери в спальню. С каждым рывком она становится чуть ближе. С каждым рывком я все ближе к спасению. Рука нащупывает знакомое лакированное покрытие. Скользит вверх. Ручка опускается под моим весом, отворяя для меня ворота в страну Морфея. Я знаю, он ждет меня с распростертыми объятьями. Он дарует мне освобождение, спокойствие, отдых.

Я дополз до постели. Цепкие пальцы ухватились за край, стягивая на пол одеяло с подушкой. Подушка удобно легла под голову, а одеяло накрыло теплыми объятьями.

Я открыл глаза. Я был дома. В своей маленькой квартирке. Значит, это был сон, всего лишь страшная дикая фантазмагория. Дневной свет тонкими полосками пробивался сквозь зашторенные окна. Я лежал в мокрой постели. Пот, казалось, пропитал одеяло, простыни и матрас насквозь и если бы я заглянул под кровать, я, вероятно, обнаружил бы там небольшое соленое озеро, но я не стал. Я лежал, бессмысленно уставившись в потолок, прокручивая в памяти свой недавний кошмар. Чувства, окутывавшие меня, постепенно рассеивались, отходили на второй план. Сон постепенно забывался, однако где-то глубоко-глубоко в душе этот сон оставил

неприятный, жгучий след, позволяя подсознанию бессознательно анализировать его снова и снова, прокручивая события и ощущения взад и вперед и медленно отравляя мое сознание бредовыми, на грани шизофрении, идеями, почерпнутыми мной из параноидных сновидений.

Чтобы освободиться от навязчивых мыслей, хотя бы на время, я вылез из постели и направился в ванную. Холодная, почти ледяная вода, отлично освежала, возвращая трезвость мышления. Ледяной душ был чем-то вроде панацеи для больного сознания. Панацея, отодвигающая проблемы и тревоги на второй план.

Заурчал желудок, напоминая о том, что пора бы принять пищу. Проснулся волчий аппетит. Я словно не ел несколько дней. В желудке как будто образовалась гигантская черная дыра, абсолютная пустота, поглощающая все и вся, которую как ни старайся, заполнить не удастся, и которая, в конце концов, пожрет и меня. Изнутри. Медленно и мучительно.

Я отправился в маленькое кафе, в котором частенько завтракал. Это было единственное место в радиусе нескольких кварталов с приличной кухней и доступными ценами. Соотношение цена-качество здесь было почти идеально. Я уселся за столик у дальнего окна, подальше от суеты, чтобы побыть одному. Сон, хотя уже и казался обычным кошмаром, не выходил у меня из головы. По какой-то причине я возвращался к нему снова и снова. Пытаясь понять, чтобы это значило, если это вообще что-то значит.

Я заказал черный кофе без молока и сахара и омлет с парой тостов. Немного подумав, я добавил к заказу еще и кусок пирога. Медленно пережевывая завтрак, пытаюсь заполнить пустоту внутри, я обдумывал свой сон, он уже не был для меня кошмаром, просто сон, обычный, какие видишь каждую ночь, а проснувшись, в большинстве случаев, забываешь, что что-то видел. Я пришел к выводу, что не стоит даже думать об этом, а надо просто продолжать жить своей жизнью, вычеркнув из памяти, как мы вычеркиваем и более не вспоминаем свои неудачные дни.

Утолив голод и почувствовав прилив сил, я отправился на работу. День был обычный. Не простой и не сложный, как и все остальные. Рутинная, но хорошо оплачиваемая работа меня устраивала. Отработав положенную мне смену, я почувствовал страстное, разрывающее изнутри желание выпить чего-нибудь покрепче. Я мог бы пойти в бар, но не стал этого делать. Мне не хотелось ни с кем видаться, не хотелось ни с кем общаться, что невозможно. Чайки, кружившие там стаями, непременно захотели бы составить компанию одинокому посетителю и заодно угоститься за его счет. Ну уж нет! Пить в одиночку считается первым признаком алкоголизма, но я этого не боялся. В конце концов, чем мне может грозить парочка стаканов, пропущенная в компании самого себя перед зеркалом.

Зайдя в магазин на углу улицы, неподалеку от моего дома, я сразу же отправился в отдел спиртных напитков, неболь-

шой по площади, состоящий всего лишь из нескольких стеллажей, заставленных рядами бутылок. Лихорадочно бегая глазами, я пытался отыскать бутылки с виски или джином или водкой. Но полки были заставлены лишь рядами бутылок со столовым вином разных марок, они сразу напомнили мне мой неудачный опыт. Они отличались по форме, но не по содержимому, как будто я находился в музее на выставке посвященной вину. Я шел от бутылки к бутылке, надеясь найти хоть одну отличную от других, словно я был участником глупой детской игры, где надо среди вороха одинаковых предметов отыскать лишний.

– Что за черт? – Крикнул я продавцу у прилавка, показывая пальцем в сторону стройных бутылочных рядов и медленно перебирая ногами в его сторону. – Что это? – я был в бешенстве, кровь кипела в жилах.

Продавец, увидев перед собой надвигающийся, готовый в любое время извергнуться, вулкан, но, ничуть не смутившись, сказал:

– Это все, что есть. Лицензию на крепкий алкоголь не продлили. Так что пока в продаже только вино и пиво.

Я понял, что спорить и упрашивать достать что-либо со склада и продать мимо кассы не имеет смысла. Я не мог понять свою неожиданную вспышку гнева, поэтому, смирившись, я молча вернулся в алкогольный отдел, пиво я не хотел, поэтому взял три разных бутылки одного и того же пойла, расплатился и вышел. Это явно был не мой день. Я чув-

ствовал себя не в себе, не в своей тарелке, словно весь мир сговорился против меня.

Не смотря на то, что выпивка была гадкой на вкус, первую бутылку я осушил довольно быстро. Вино стекло на дно желудка, заполнив пустоту, распространяя умиротворение и безмятежность. Каждая клеточка тела налилась спокойствием, заполнилась до краев. Я откупорил вторую бутылку и сделал несколько глубоких глотков из горла, чем больше я пил, тем лучше и лучше мне казался вкус. Я почувствовал, как покой начинает уносить меня на волнах, куда-то туда, в безбрежный океан успокоенности, туда, где я мог быть с собой наедине.

Я сидел на кухне, подперев голову руками. Мысли замедлили ход, пустившись в неконтролируемое свободное плавание, дрейфуя где-то между сознательным и бессознательным. Я не понимал и половины того, что приходило мне на ум, я лишь слушал их голос, звучащий у меня в голове, нашептывающий что-то, иногда тревожное, иногда заставляющее расслабиться. Мысли подобны морю. Меня качало на волнах. Вверх и вниз, вверх и вниз.

Незаметно для меня, начала подкатывать морская болезнь. Не помню, чтобы меня хоть раз укачивало, но это море было другим. Тошнота то подкатывала к горлу, то отступала, накатывая каждый раз с новой силой. Волна за волной. Отступив на шаг, она делала два вперед. В конце концов, исход этой внутренней борьбы мог быть только один. Я едва

успел добежать до раковины, когда из меня водопадом полилось выпитое мной вино.

Мой взгляд случайно упал на холодильник. Дверца была завешана множеством фотографий, значимых моментов в моей жизни. Глаз выхватил фотографию меня с родителями, сделанную несколько лет назад, во время путешествия по тропическим островам. Там я улыбался. Там я был счастлив. Там они еще были живы. Качаясь из стороны в сторону, как яхта при шторме, я подошел поближе, желая взглянуть на фото.

Ты это не ты.

Это не твой мир.

Бредовые, полузабытые идеи сразу же, безжалостно вторглись в мой умиротворенный мирок, раскалывая его на части. Море спокойствия превратилось в огненное озеро страха и злобы с частичкой ненависти, запрятанной где-то глубоко.

Я сорвал фотографию и с сумасшедшим криком в порыве необъяснимой ярости порвал ее на миллион кусочков. Глянцевые обрывки разноцветным дождем падали на кухонный пол. Я наблюдал, как они медленно кружат, словно лепестки на ветру, описывают полукруг перед тем, как лечь на пол.

– Лети-лети, лепесток, через запад на восток... – Пробормотал я стишок из старой сказки, показавшийся мне уместным.

Не знаю, как долго я стоял столбом, уставившись невидящим взором на клочки бумаги, бывшие когда-то такими цен-

ными для меня, а теперь не имеющими никакого значения. Теперь это была просто цветная бумага. Лучшее воспоминание было уничтожено, порвано, стерто в порошок и отправилось в ведро, став обычной кучей мусора.

Я допил вторую бутылку, сморщившись от отвращения, вкус был гнилой, но мне было все равно, я хотел лишь забыться. Мне нравилось это чувство. Алкоголь вливался в меня, обжигая горло, пищевод, тяжестью опускаясь на дно желудка, откуда кровь, насытившись спиртом, разнесет его по организму, заставляя почувствовать эйфорию. Я надеялся, что вторая попытка окажется более удачной и меня не вывернет опять на изнанку.

Последнюю бутылку я пил долго, медленными глотками, не обращая внимания на вкус. Я описывал круги вокруг кухонного стола, стараясь не думать ни о чем другом, кроме этого. Один, два, три... я считал круги. Эйфория постепенно охватывала меня, убаюкивала. На двадцать седьмом круге закружилась голова, Я упал на стул, откинулся на спинку и закрыл глаза. Мир завертелся, как бешеный бесконтрольный волчок. Как будто меня засунули в центрифугу и запустили с максимальной скоростью.

Голова пульсировала от боли, словно кто-то, неспешно, ручной дрелью высверливал отверстие. Голова стала тяжелой от свинца, залитого в нововысверленный люк у меня на макушке. Я обхватил виски, пытаюсь как можно тише и аккуратней уложить голову на жесткий стол. Руки я сложил под

головой, как импровизированную подушку, не так мягко, как хотелось бы, но все же лучше, чем деревянный стол. Голова продолжала разрываться. Я чувствовал себя наковальней, по которой кузнец-садист наносит удары изо всех сил тяжеленным молотом снова и снова и улыбается при каждом моем стоне.

Я закрыл, истекающие слезами, глаза, в надежде заснуть, но на этот раз бог сновидений не торопился отворить для меня врата своего царства. Я считал каждый удар молота, молясь о забвении, которое так и не приходило. Я считал каждый удар, разрывавший мою голову вдребезги, разбивавший ее на части. Наконец, я провалился в сон.

Сквозь пелену сна, каким-то шестым чувством, я почувствовал, как по обеим сторонам от меня кто-то ворочается, чешется, издает странные, ни на что не похожие, звуки. Это ощущение разбудило меня, окунув с головой в реальность. Вокруг меня, со всех сторон, штабелями лежали мои собраты по сумасшествию. Все они как будто проснулись в один и тот же миг, одновременно, как по часам, словно какой-то укоренившийся за долгие годы инстинкт разбудил их. Все, как один, поднимались с постелей, бормоча что-то себе под нос, взъерошивая волосы, почесывая себя или нервно озираясь по сторонам. У каждого был свой священный ритуал, соблюдающийся изо дня в день, из года в год. Все они превратились в послушных роботов, дрессированных ручных

зверьков без собственной воли и тяги к жизни. Они просто существовали, подчиняясь этой навязанной кем-то рутине.

В дверях стоял санитар, хотя определение надзиратель было бы ближе к истине. Психи медленно, по одному покидали палату. Надсмотрщик подгонял их пинками, громкими криками и цветистой руганью. Я так и оставался на своем месте, не в состоянии полностью понять, что я должен делать и куда мне идти.

– Какого черта ты там разлежся! – проорал санитар, когда все остальные вышли, а я остался лежать на том же месте, куда меня бросили ночью, и добавил еще несколько витиеватых фраз в мой адрес.

Он пошел в мою сторону, выхватив из-за пояса резиновую дубинку, наподобие тех, которыми пользуются полисмены. Он надвигался на меня массивной горой, с пылающим, готовым извергнуться в любой момент, кратером вулкана на ее вершине. Злоба и ненависть четко были написаны на его лице, искаженном этой жуткой гримасой. Казалось, будто вся его черная, негативная энергия, расходившаяся волнами от него, как от эпицентра, словно волны на водной поверхности от брошенного туда камня, была осязаема. Казалось, еще немного и она придавит меня неподъемным грузом к постели, парализуя меня, не позволяя мне ни вдохнуть, ни выдохнуть. Казалось, стоит мне протянуть руку, и я прикоснусь к ней, и на руке останется горячий след от ожога.

– Я тебе покажу, что значит дисциплина! – Продолжал он

кричать. – Ты у меня узнаешь свое место, щенок паршивый!

Он продвигался ко мне, легко отшвыривая, расталкивая тесно поставленные койки. Я лежал, оцепенев от страха, смиренно наблюдая за ураганом, надвигающимся на меня. Надзиратель стоял у меня в ногах, сверкая глазами от гнева, еще чуть-чуть и я загорюсь от одного его взгляда. Его взгляд будто проникал в самую глубину моей души, поджигая ее изнутри, выжигая на ней невидимое, но осязаемое мной, клеймо. Я почувствовал, как страх заполняет все мое естество, запрещая мне двигаться. Я боялся даже дышать под этим угрожающим, нечеловеческим взглядом.

– Вставай, урод! Подымайся с постели! Тебя ждет адский день, я обещаю тебе!

Его длинные, толстые пальцы обвились вокруг моей лодыжки, как змеи. Пальцы глубоко впились в кожу, оставляя на ней отметины, заставляя кости хрустеть. Одним резким движением он сдернул меня с кровати, как фокусник сдирет скатерть с богато заставленного стола. Я упал на пол, ударившись головой сначала о край кровати, а потом еще раз об пол для верности. Ноги больно врезались в койку, стоящую напротив моей. Боль от удара распространилась по всему телу. Я лежал в узком проходе между рядами и прилагал все усилия, лишь бы не застонать или не закричать от боли. Но мое лицо все равно не могло лгать. На лице все было написано. Надзиратель широко улыбался, обнажив свои гнилые зубы. Его тяжелый ботинок встретился с моими ребрами, от-

чего они прогнулись внутрь, предупреждающе затрещав.

– Встать!

Из глаз брызнули слезы. От боли я не понимал, где нахожусь, и что со мной происходит. Боль застилала глаза. Окружающие звуки становились тише и тише, они удалялись все дальше и дальше. Я почувствовал, как мое сознание медленно начинает уплывать прочь. Его рука крепкой хваткой схватила меня за шиворот и резко дернула, развернув по направлению к выходу из палаты. Это мгновенно вернуло меня назад к жестокой, не обещающей ничего хорошего, реальности. Топая тяжелыми ботинками, надзиратель шагал, волоча меня за собой, как какую-нибудь куклу, как какой-нибудь мусорный мешок.

Выстраивая высокопарные, фигуристые конструкции с использованием самых что ни на есть грязных, скверных и пошлых фраз и фразочек, от которых у приличных людей случается инфаркт, он волок меня, не способного к сопротивлению, по пустому и унылому коридору. Каждой костью я ощущал все неровности холодного, покрытого слоем грязи и пыли, пола.

Он распахнул двустворчатые двери и втащил меня в какое-то просторное помещение. Это была столовая. Я лежал на полу, вдыхая воздух, пропитанный легким запахом гнили, рвоты и экскрементов, смешанным со свежеприготовленным чем-то. Комбинируясь, эти запахи составляли уникальный ансамбль «Лечебница №5», запоминающийся на всю

оставшуюся жизнь, становящийся эталоном, с которым будут сопоставляться и сравниваться последующие неповторимые ароматы.

– Туда садись! – Крикнул мой конвоир, указывая пальцем на свободное место.

Я с трудом поднялся на ноги и шатающейся походкой направился к указанному месту. Я уже понял, что беспрекословное подчинение является гарантом моей сохранности, или, по крайней мере, я так дольше проживу. Мой надсмотрщик остался стоять в дверях, наблюдая за соблюдением дисциплины. Другой санитар с каким-то пренебрежением и презрением поставил передо мной тарелку с завтраком и стакан с компотом. В тарелке была какая-то каша с плавающими в ней кусочками незрелых фруктов. Растекшись по всей поверхности, она напоминала рвоту, а компот по цвету был похож на кошачью мочу. К горлу сразу же подкатила тошнота, участилось дыхание. Я почувствовал, что меня вот-вот вырвет. Зажав пальцами нос и прикрыв рот, я встал из-за стола, надеясь успеть найти туалет и дойти до него.

– Эй ты, сядь на место! – Крикнул мне мой охранник и двинулся в мою сторону.

Крепкий тычок дубинки в живот согнул меня пополам, брюшные мышцы резко сократились. Из рта гейзером забила струя. Я увидел, как выплескивается содержимое моего желудка, забрызгивая ботинки и брюки санитара. Его обувь и одежда покрылись тонким, неровным слоем желудочного

сока, словно художник-новичок неудачно распылил краску из баллончика.

Вначале было слово, и это слово было... оно принадлежало моему надзирателю. Бушующий водопад ругани прервался мощным ударом дубинки. Я услышал, как хрустнули позвонки, и упал лицом в собственную лужу.

– Отведи этого придурка в ванну! – Кто-то крикнул из кухни. – Пусть доблюет и помоеется! Потом привяжи его! Сегодня от него толку не будет!

– Слушаюсь!

Тем же способом, которым меня доставили на кухню, я был отправлен в туалет. Надзиратель швырнул меня к унитазу, отчего я чуть не ударился головой об бочек, слава богу, я успел из последних сил подставить руки.

– Давай блюй, что там в тебе осталось!

Отплеываясь, я лишь кряхтел и кашлял, не в силах перевести дыхание. Из глаз по щекам катились слезы. Я рыдал от бессилия что-либо сделать.

– Бесконечно я ждать не буду! Чаша моего терпения начинает переполняться!

Я ничего не ответил. Он подошел ко мне, схватил за волосы и откинул мне голову назад и зажал нос. Пришлось открыть рот, чтобы я смог дышать. Санитар, теперь уже садист, засунул почти до основания мне в рот свою дубинку. Я почувствовал, как она касается стенок горла, проникая все глубже и глубже. Спазмы заставляли горло резко сжиматься

и разжиматься, желудок терзали болезненные сокращения. Слезы непрерывным ручьем лились из глаз. Из носа потекло, словно кто-то невидимый открыл все шлюзы. Жидкие сопля стекали по губам на дубинку, торчащую изо рта, и попадали в рот, вызывая дополнительное отвращение. Судороги сотрясали все тело, я начал задыхаться, стонами пытаюсь дать понять, что пора вытащить это орудие из меня. Но, казалось, садист-охранник не замечает мои мольбы. Наконец, он вытащил палку изо рта. Она была покрыта толстым слоем прозрачной, пузырящейся слюны, тонкими струйками тянувшейся вниз к полу. Мышцы сократились в последний раз, извергнув из меня желчь и желудочный сок. Я испытал облегчение, что все кончилось, но в то же время я боялся, что процедура может повториться, или, что еще хуже, она может превратиться в ритуал и будет повторяться каждый день снова и снова, пока я по настоящему не лишусь ума..

Схватив меня за шиворот, мой надзиратель оттащил меня к раковине и приказал:

– Умойся!

Дрожащей рукой я открыл кран с холодной водой, сложил руки лодочкой и поднес к губам. Вода была хлорированной, но все же лучше, чем пить собственную блевотину. Я попытался как можно тщательнее прополоскать рот и горло, но гадкий, мерзкий привкус все же остался. Едва я смыл с лица последние капли содержимого моего желудка, меня грубо оттащили от раковины и снова куда-то поволокли.

Я услышал грузный скрип массивной стальной двери. За ней оказалось на половину пустое помещение. Лишь ржавая металлическая кровать в центре. Следом за нами вошли еще двое санитаров. В руках они держали широкую белую простыню, с которой на пол капала вода. Сил и желания сопротивляться у меня не было, я смирился со своей незавидной участью. Санитары обмотали меня, как мумию, холодной, влажной простыней. Холод мгновенно добрался до костей. Я будто очутился голым на северном полюсе, обдуваемый со всех четырех сторон ледяным ветром.

Санитары уложили меня на кровать. Она скрипнула под моим весом, и я услышал тихий шелест – это ржавчина посыпалась на пол, застилая его хрустящими рыжими хлопьями. Широкими, толстыми ремнями мне зафиксировали голову и все остальное тело. Я лежал неподвижно, словно гусеница в коконе, готовясь к превращению. Я почувствовал, как игла входит в шею, и в вену вливается какое-то лекарство. Дверь закрылась с таким же скрипом, как и отворилась, и с той стороны опустился тяжеленный засов, запечатывая меня здесь.

Еще два раза за то время, что я находился в изоляции, ко мне заходили санитары и вкалывали очередную порцию неизвестного препарата. Лекарства все время держали меня в сознании, не давая заснуть, но в то же время сознание у меня было как в густом тумане, не давая мне свободно думать, оставив меня наедине со своими страхами. Не знаю, как долго я находился там. Чувство времени исчезло. Для

меня все время делилось на «до» и «после» попадания в изолятор. Как ни старался, я так и не уснул, с каждой секундой я ощущал свое одиночество все сильнее. С каждой секундой я все сильнее отчаивался, и с каждой секундой я все яростнее мечтал о смерти.

Компьютер запищал, оповещая о новом, только что полученном сообщении. Я поднялся из-за стола, за которым спал, и проковылял в комнату. Сообщением оказалось письмо, присланное на электронную почту анонимом. Я открыл письмо, ожидая увидеть ставший уже обыденным спам. Когда я увидел послание, глаза у меня вылезли на лоб.

Твоя вера – ничто.

Твоя жизнь не принадлежит тебе.

Твой разум – лишь плод твоего воображения.

Мой мозг отвергал новоприбывшую информацию. Я смотрел на пиксели на экране, складывающиеся в буквы, которые в свою очередь складывались в слова и предложения. Я читал текст письма снова и снова, не в силах понять, кто мог надо мной так подшутить, ведь я никому не рассказывал о своем сне. Или рассказывал? Не помню. Может быть, я и проболтался на работе, а теперь кто-то хочет вывести меня из себя, помогает мне свихнуться. Я представил, как кто-либо из моих, так называемых, коллег сидит сейчас перед своим монитором и щелкает по клавишам с довольным лицом, радуясь своей шутке. Но мне было не смешно.

Компьютер пискнул еще раз, оповестив о новом письме от того же доброжелателя. Дрожащей рукой я навел курсор мыши и открыл письмо.

Ты не прав.

Что? В чем? Что за глупость? Я был в недоумении, оцепенел. Я отказывался верить в то, что происходит. Пришло еще одно письмо.

Ты никому не рассказывал.

Тогда как...? Я не успел додумать мысль, как пришло новое письмо.

Но ты, вероятно, прав в одном.

Сумасшествие для тебя наилучший выход.

Я не двигался. Я ждал, что незнакомец, кем бы он ни был, напишет еще что-нибудь. Кто он? Он явно был осведомлен обо мне. Он знал меня лучше, чем кто бы то ни было, лучше, чем я сам. Я прикидывал различные варианты, искал причины. Может, я действительно схожу с ума? И общаюсь в данный момент со своим Альтер-эго. Тогда единственное, что я могу сделать, добровольно отправиться в лечебницу, где мне даруют покой посредством удаления лобных долей мозга или впрыскиванием большой дозы наркотика с помощью шприца с тонкой иглой, введенной через глазную впадину прямо в мозг. От идеи стать овощем, меня передернуло. Лучше уж медленно сходить с ума, но жить, чем существовать без воли, без разума.

Лоботомия будет тебе к лицу.

Ха-ха.

Не думай об этом. Лучше иди прогуляйся.

Монитор резко потемнел, как если бы кто-то выдернул вилку из розетки. Компьютер с характерным для него звуком выключился, окунув комнату в абсолютную тишину. Я все еще не мог пошевелиться, окаменел, не мог поверить в происходящее. В голове миллион вопросов и ни одного ответа. Я пытался найти ответ. Меня бы устроил любой логичный ответ, но, кроме раздвоения личности, ничего на ум не приходило.

После долгих раздумий, я решил воспользоваться советом незнакомца, пройтись по городу, может, это поможет справиться с мыслями. Свежий воздух обладает удивительным свойством приводить мысли в порядок, расставлять все по полочкам.

Я закрыл за собой дверь. Я оказался в длинном, казавшемся бесконечным коридоре, с испещренной трещинами когда-то синей краской на стенах и черными разводами, словно от огня. Я провел пальцем по черному пятну – это была сажа. Сажа образовывала причудливый рисунок на стенах, повторяя контуры когда-то давно полыхавшего здесь пламени. Черные языки лизали стены. Было в них что-то изящное, элегантное, заставляющее смотреть на них, бесконечно наблюдать, словно это был живой, завораживающий огонь.

Через одинаковые промежутки на потолке, болтаясь на

длинных черных проводах, свисали лампочки, освещающие коридор желтым большим светом. Они раскачивались взад и вперед, подчиняясь только им известному ритму, все как одна, словно солдаты на параде, марширующие в такт, марширующие нога в ногу.

Я хотел вернуться домой. Я обернулся, но перед носом была лишь стена, без каких-либо намеков на дверь. На стене висела картина, невероятно детальная, написанная искусной рукой мастера, такая четкая, словно фотография. Я узнал свою кухню: холодильник завешанный фотографиями, пустые бутылки под столом, дубовый стол, я на стуле, спящий, опустил голову. Из открытого рта тонкой струйкой тянется липкая слюна, образуя лужу на столе. Очередной сон?

Выбора не было, я пошел вперед. Стены были увешаны детальными картинами, изображающими сцены из моей жизни, словно я попал на выставку, посвященную своей жизни. Картины висели через равные промежутки друг от друга.

Вот я маленький, только что родился. Родители держат меня на руках, крепко укутанного, и улыбаются. На следующей картине я уже подросток, собираюсь пойти в школу первый раз, одетый в опрятный костюм и при галстукке – вылитый аристократ. Я в школе, стою в обнимку со своими лучшими друзьями. Выпускной – один из самых счастливых моих дней, долгожданное избавление от школьной каторги и добровольная ссылка в рудники знаний, зовущихся университетом. Путешествия по миру, фотографии с мест пре-

бывания. Алиса, мы стоим, обнявшись, рядом с фонтаном, я помню тот день, в тот день я понял, что нашел ту единственную, я так думал. Похороны, я стою в слезах, оплакивая родителей. Я снова плачу, Алиса ушла, оставив меня в одиночестве. Я прощаюсь с Кристиной, моей лучшей подругой, усаживаясь на свой мотоцикл, это было совсем недавно.

Картины кончились, галерея прекратила свою работу. Я продолжил свой путь. Лампочки, свисавшие с потолка, задевали меня, когда я проходил под ними, обжигая голову, опалая волосы. Коридор все тянулся и тянулся. Монотонные стены, скрип качающихся ламп, бесконечный потолок – все это действовало угнетающе, время перестало иметь значение, оно остановилось. Создавалось впечатление, что я иду по замкнутому кругу, будто кто-то соединил концы длинного коридора вместе, а я оказался, по воле случая, заперт внутри, обреченный на вечные скитания. Я чувствовал себя, как белка в колесе, уверен, что иду вперед, хотя на самом деле остаюсь на месте, ничего не меняется. Впереди и сзади все те же стены, стены, потолок и пол. Замкнутый круг, круг жизни.

Вечность спустя что-то изменилось. Я скорее почувствовал это, чем увидел. Это было что-то неосязаемое, за гранью восприятия, но оно было. Я продолжал идти и идти, заставлял себя переставлять ноги. Внезапно я остановился. Я не мог поверить в то, что вижу, глаза отказывались воспринимать информацию, мозг не готов был признать, что это воз-

можно.

Коридор впереди меня закручивался по часовой стрелке. Я наблюдал, как пол постепенно становится стеной, потом потолком, а снизу торчат, как сталагмиты, лампы на длинных проводах, затем пол занимает место стены, и, описав полный круг, пол снова становится полом. Коридор изгибался спиралью снова и снова, виток за витком.

Я пошел вперед. Пол начал свое движение по спирали, заставляя и меня подчиняться ему. Законы Эйнштейна не имеют значения здесь. Законы физики обходит стороной это место. Вот я уже иду по стене, а из противоположной стены в меня стрелой направлена лампа, словно шип. Я иду дальше. Я на потолке. Законы гравитации здесь не работают. Лампы-сталагмиты подо мной угрожающе смотрят на меня. Я снова на стене. Шаг за шагом я приближаюсь к концу этого витка и к началу следующего. Я снова на полу, а впереди коридор продолжает свое вращение, виток за витком.

Я продолжаю движение вперед, виток за витком, круг за кругом, оборот за оборотом. Монотонность вернулась, снова все статично, никаких изменений на бесконечном маршруте. Ноги сами идут вперед. Шаг за шагом они сменяют друг друга.левой, правой.левой, правой.

Тысячу шагов спустя, или, может быть, миллион, коридор начал уходить вниз. Он изгибался по широкой дуге, не прекращая при этом завиваться в спираль, будто толстый волос, накрученный на бигуди. Я продолжал идти вперед, или, ве-

роятно, вниз, туда, куда меня вела дорога.

Я не упал, когда коридор начал вести меня строго по вертикали. Некоторое время погода он снова поменял направление, повернув налево, затем резко направо и вверх. Коридор продолжал петлять вверх-вниз, влево вправо, по диагонали. Я чувствовал себя Алисой, спускающейся в кроличью нору, я потерялся, я больше не чувствовал куда иду, потерял ориентацию в пространстве. Любое направление, любой поворот были для меня одинаковы – только движение вперед. Я ощутил себя на чертовых русских горках, извивающихся во все стороны, скоро меня затошнит, и я буду снова ползать без сил, но на этот раз по потолку.

Наконец, не знаю, сколько прошло времени, день, может, неделя или месяц, аттракцион закончился. Я стоял перед дверью, рука сама схватилась за ручку и потянула ее на себя. Дверь отворилась, открывая проход в новый мир.

Я стоял посреди дороги, покрытой гравием, где-то в лесу. Деревья, росшие сплошной стеной, шли вдоль дороги, безмолвные стражи, хранящие путников в безопасности, или, наоборот, следящие за ними, идущими в ловушку.

Я оглянулся. Распахнутая дверь парила в воздухе, как какой-нибудь наполненный гелием воздушный шарик. Сквозь дверной проем я видел все тот же коридор, но что-то изменилось. Впереди, или уже позади, шагах в тридцати, дверь, с двумя металлическими цифрами на ней: один и два. Номер двенадцать. Мой номер. Дверь в мою квартиру. Я занес

ногу, чтобы перешагнуть через порог и вернуться к себе, но дверь мгновенно захлопнулась у меня перед носом, откинув меня на несколько метров назад ударной волной. Проход домой захлопнулся, дверь рассеялась в воздухе, как сигаретный дымок.

Я лежал на земле, вдыхая свежий ночной воздух. Мелкие камешки впивались в тело. Почему я до сих пор не проснулся? Почему этот сон не кончается? Или это не сон? Я надеялся, что ответы на эти вопросы сами придут ко мне, но тщетно. Я был в отчаянии, хотел проснуться, но не знал как. Самый лучший способ покончить со сном – это плыть по его течению, но что если больше нет сил, что если нет желания что-либо делать. Я лежал, считая звезды на небе, в ожидании пробуждения. Молился, что вот-вот зазвонит телефон, или кто-нибудь постучит в дверь, или затрясет меня за плечо, и я проснусь, если я, конечно, спал.

Я слушал звуки леса вокруг. Шелест листвы, шепот травы, пение птиц, сверчков, жужжание комаров. Все было таким реальным и в то же время не настоящим. Что-то в этих звуках все-таки настораживало, не давало покоя.

Я поднялся на ноги и пошел в единственном возможном направлении. Дорога петляла из стороны в сторону, поднималась вверх и вниз, уводя меня все глубже в лес. По обеим сторонам дороги ровными рядами росли причудливые растения, цветы странной формы. Я сорвал один из них, чтобы рассмотреть поближе. Это не был цветок, это не было

даже живое растение. Стебель представлял собой несколько стальных трубок, сваренных вместе. На стыках неровные швы, как будто работа проводилась в спешке. К стеблю крепились гайка, шириной в несколько сантиметров, к которой были приварены тонкие стальные листы, все одинаковой формы и размера. Их было ровно семь.

Я выбросил фальшивый цветок и пошел дальше. Легкое, едва слышное порхание маленьких крылышек. Я прислушался в поисках источника звука. Бабочка, тяжело взмахивая ярко красными с зелеными полосами крыльями, летала вокруг меня. Я вытянул ладонь вперед, надеясь, что мой жест будет понятен этому маленькому созданию. Бабочка сделала несколько кругов у меня над головой и приземлилась мне в ладонь. Она была холодная. Я поднес ладонь поближе к лицу. К болту, длиной сантиметров в пять, были припаяны жестяные крылья, разукрашенные в боевую раскраску. Вместо лапок и усиков – тонкая проволока. Очередная подделка, фальшивка.

Я тряхнул рукой. Механическое насекомое сорвалось с руки. Бабочка начала кружить, выписывать восьмерку над одним из цветов на обочине. Она уселась на лепесток, затем прыгнула в центр бутона. Болт, служащий телом бабочке-роботу, идеально подходил по размеру к гайке, на которую крепились лепестки. Гайка легко накрутилась на болт. Я с удивлением, и в то же время с отвращением, наблюдал за этим извращенным вариантом опыления. Несколько секунд

спустя, бабочка отвинтилась от цветка и полетела опылять следующего представителя местной флоры.

Я внимательно осмотрел цветы, траву, насекомых, которых мог увидеть. Все они являлись искусственно созданными, хитроумными изобретениями, созданными с непонятной целью существами. Даже деревья были поддельными, металлический ствол с металлическими ветками и листвой из жесткой фольги. Весь лес оказался подделкой.

На ветке ближайшего дерева, я заметил птицу, или то, что должно было ей быть. Квадратное тело, лапки из проволоки, хвост и крылья все из тех же тонких стальных листов, наспех приваренных неопытной, или небрежной рукой. Вместо головы крупный круглый динамик, откуда звучало веселое чириканье. Я протянул руку и схватил птицу за то, что было ее хвостом. На спине у нее были несколько кнопок, перемотка назад, стоп, воспроизведение и перемотка вперед, как на кассетном плеере. Я нажал на стоп. Пение прекратилось. Нажал стоп еще раз, открылась боковая крышка, где я обнаружил кассету, с записанным туда пением. Я поменял сторону кассеты и нажал на воспроизведение. Из динамика раздалось карканье, громкое и пронзительное. От неожиданности я выпустил теперь уже ворону из рук, и она упорхнула.

Я пошел дальше. Шшшш. Я замер, прислушиваясь. Едва слышный, постепенно нарастающий звук невидимой погребушки, нечто среднее между треском, шуршанием и свистом заставил меня оцепенеть. Я знал этот, не предвещаю-

щий ничего хорошего, звук. Я скосил глаза, стараясь не дышать, в поисках источника шума. Сваренные вместе несколько стальных труб образовывали тело змеи, свернувшейся в клубок. Она грозно шипела, подняв вибрирующий кончик хвоста.

Первый шок прошел. Очередная подделка. Игрушечная змея шипела, словно была готова в любой момент прыгнуть на меня, но что она могла мне сделать. Резким, сильным ударом ноги я отшвырнул ее в сторону. Она улетела в стальные заросли и затихла, вероятно, она своим металлическим тельцем налетела на какой-нибудь выступающий камень и разлетелась на несколько кусочков. Я не стал лезть в железную чашу и искать подтверждения своим предположениям. Я продолжил свой путь.

Устало переставляя ноги, я упрямо брел вперед и вперед, уже не обращая внимания на чудеса местной природы. Несколько раз я наступил на каких-то насекомых, отчего те со скрежетом рассыпались на мелкие части, я даже не стал останавливаться, чтобы посмотреть, на что же я наступил. Мне стало все равно, я лишь хотел, чтобы все это поскорее закончилось, и единственной возможностью я видел движение вперед, не смотря ни на что, ни на усталость, ни на боль в ногах, ни на сумасшествие творившееся вокруг меня. Рано или поздно сон закончится, и в моих интересах было содействовать своему сознанию, чтобы быстрее приблизиться к концу этого жуткого сновидения.

Тропинка резко оборвалась.

Дорогу мне преграждали массивные ворота, с затейливым узором, напоминающим вьющийся плющ, и высокие кирпичные стены с тремя рядами колючей проволоки наверху. Покрытые пылью и растрескавшиеся от времени кирпичи были покрыты граффити.

Маленький ребенок, подвешенный за обе ноги над озером, кишасим крокодилами, прыгающими из воды за добычей. В своих руках малыш держит свою отрубленную голову. На посиневшем, начинающем разлагаться детском личике написаны страх, боль и непонимание того, что же с ним происходит.

Молодая девушка, вульгарно сидящая на стуле, находящаяся на восьмом или девятом месяце беременности. Рука ее сжимает рукоять ножа, вонзенного в живот, напоминающий большой мыльный пузырь. Нож проделал глубокий разрез от пупка до солнечного сплетения, распоров живот. Из кровоточащей раны выглядывает маленькая ножка не успевшего еще родиться ребенка.

Встав в круг и взявшись за руки, шестилетние дети водят хоровод на огромном ворохе соломы. Черная струйка дыма поднимается вверх, сигнализируя о начинающем зарождаться пламени, которое вскоре поглотит маленьких, играющих, детей. Кожа на их телах вздуется и пойдет пузырями, а детские крики будут звучать музыкой в ушах палачей.

В ванне, до краев наполненной водой и мягкой, пушистой

пенной плещется маленькая девочка, наслаждаясь своим последним купанием. Пузыри, поднимающиеся со дна ванны, лопаются на поверхности воды. Большой костер полыхает под ванной. Говорят, что когда варят раков, то можно слышать их крик. Не знаю, правда это или нет, но детские крики будут отчетливо разноситься в горячем, влажном воздухе.

Говорят, что сны являются отражением реальности – реакция мозга на произошедшие за день события, наши опасения и страхи выражаются в снах, которые мы видим. Если верить ученым, по снам можно проследить и оценить эмоциональное и психическое состояние человека. Я никогда не задумывался о значении снов, которые видел, по большей части от того, что практически никогда не помнил их, а те, что помнил, никогда не вызывали такого ужаса, как тот, в котором я находился. Насколько больным должно было быть мое сознание, чтобы нарисовать для меня подобную картину? Я боялся подумать об этом, я боялся узнать ответ на этот вопрос...

Я положил руки на ворота, пришлось приложить неслабое усилие, чтобы их отворить. Извилистая дорожка вела на вершину холма, где возвышался обветшавший старинный особняк. Ни время, ни ветер не пощадили его. Окна на первом и втором этажах заколочены. Сквозь тяжелые шторы на окнах третьего этажа пробивался свет, отчего они напоминали прикрытые в злом намерении глаза, озирающиеся по сторонам, следящие за своими владениями. Башни, возвы-

шающиеся на каждом углу особняка, угрожающе нависали над окружающей территорией. Дом напоминал четырехрукое чудовище, готовое в любой момент схватить нарушителя. В твердом намерении я направился напрямик к входной двери, в любую секунду ожидая, что чудовище откроет глаза, руки-башни протянутся ко мне, а дверь превратится в зияющую пасть, которая с наслаждением проглотит меня.

Вокруг не было ни души. Гробовая тишина окутала все своим покрывалом. Лишь мои шаги и мое учащенное дыхание нарушали тишину. Руки тряслись, холодный пот стекал по спине, ноги дрожали. От любого шороха, от любого скрипа или писка я готов был закричать, что есть мочи, и помчаться прочь, не оглядываясь. Подкашивающиеся ноги донесли меня, наконец, до входа. Я подергал ручку. Дверь была заперта, как я и ожидал.

Я обошел дом по периметру. Дверь в подвал оказалась не заперта. Я потянул на себя массивные деревянные двери. Потрескавшиеся ступени уводили меня вниз навстречу темноте. Воздух внизу был затхлый, пахло пылью и чем-то еще, неприятным, вызывающим тошноту. Я пошарил рукой по стене, нащупал выключатель. Лампочка заморгала, будто боялась гореть в полную силу, боялась развеять мрак, окутывавший здесь все, словно в темноте пряталось невообразимое чудовище.

В детстве я побывал на экскурсии в музее, посвященном орудиям пытки и казни. Но то была всего лишь детская ком-

ната, полная игрушек, по сравнению с этим помещением. Клетка, подвешенная под потолком; трон для допросов, усеянный шипами, под которым можно развести огонь, чтобы пытка приобрела более изощренный вид. На дыбе, стоящей у дальней стены лежало детское, наполовину разложившееся тело, с оторванными руками, а под дыбой лужа давно засохшей крови. На столе в углу были свалены в кучу всевозможные колющие, режущие, пилящие орудия, пояса с шипами, стальные ошейники. Пол был покрыт темными пятнами тут и там, которые ничем не смыть. Кровь навсегда въелась в пол. Было видно, что этими предметами часто пользовались. Я будто очутился в средневековье и угодил в лапы безжалостных инквизиторов. Я представил, как люди в масках усаживают ни в чем не повинных людей на шипастый трон. Или их растягивали на дыбе, разрывая с жутким треском сухожилия и мышцы. Тошнота подкатила к горлу. Рот наполнился неприятной жидкостью. Я выбежал наружу, чтобы хоть как-то справиться тошнотой, но не успел и забрызгал лестницу. Надеюсь, тот, кто будет спускаться по этой лестнице в будущем, поскользнется и свернет себе шею и больше не сможет причинить никому вреда.

Я вернулся к входу и забарабанил кулаком в дверь. Я был уверен, что тяжелые удары были слышны в каждом углу этого черного дома, но никто не ответил. Ни звука из-за закрытых дверей. Сильный удар ноги пришелся точно в то место, где по моим соображениям находился замок. Дверь затряс-

лась, но не поддавалась. Я ударил еще и еще и еще. Хруст дерева подсказывал, что я приближаюсь к цели. Мозоли, натертые на ногах во время моего бесконечного путешествия, лопнули. Острая боль отдавалась во всем теле при каждом ударе, но я не мог остановиться, я все бил и бил, не останавливаясь, словно это был не я, словно кто-то управлял мной. Это было какое-то наваждение, завладевшее моим сознанием, контролирующее меня. Когда дверь распахнулась, я снова обрел себя. Контроль вернулся ко мне. У меня было чувство, что кто-то направляет меня. Я не случайно пришел в это место, или оно не случайно приснилось мне. Это было уже не важно. Может, это Бог указывает мне путь, которому я должен следовать?

Я вошел внутрь. Толстый слой пыли покрывал пол, стены, мебель. Уборку здесь не проводили уже несколько месяцев, если не лет. В углах свисала паутина, размерами больше напоминавшая рыбацкие сети. Мыши и пауки уже давно стали хозяевами здесь. По крайней мере, на этом этаже. Я надеялся найти кого-либо здесь, я был уверен, что кто-то здесь еще есть. Ведь на верхнем этаже я видел свет.

Я стоял в холле, широкая лестница уходила на второй этаж. Туда я отправлюсь чуть позже. Сначала первый этаж. Комнаты были завалены всяческим хламом. Под толстым, непроницаемым слоем пыли было трудно даже определить, что было в тех помещениях. Я порылся в паре куч с мусором, обнаружил лишь старые детские игрушки. Порванный рези-

новый мяч, куклы без рук и ног, треснутые пластиковые ведерки с лопатками, деревянные кубики со следами детских зубов на них, сломанная железная дорога, забытые или потерянные детали конструктора, даже кукольный домик со следами сажи на нем, словно пострадавший от пожара. Каких только игрушек здесь не было. Но здесь в них уже давно никто не играет. Раньше, вероятно, это заведение было детским домом, со временем, превратившимся в то, чем он являлся сейчас.

В северной части особняка я наткнулся на просторную, пустую комнату. Она была относительно чистой, только красные, синие, зеленые разводы на полу тут и там. В центре комнаты с потолка, подвешенный за правую ногу, свисал человек. Я подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть. Кожа вздулась в нескольких местах; глаза, нос и рот зашиты; на шее отчетливый след старого пореза, неаккуратно зашитого толстыми нитками. Пустые глаза смотрели на меня. Я ждал, что он моргнет, или поздоровается, скажет «привет» и протянет руку, чтобы я пожал ее. Но он был давно мертв.

Неожиданно, я услышал детский беззаботный голос, с каждой секундой все ближе и ближе, напевающий старую детскую песенку, которую я помнил еще с детства:

Лаз, два, тли, четьле, пять,

Негде зайчику скакать;

Всюду ходит волк, волк,

Он зубами – щелк, щелк!

Открылась дверь в комнату. Пение сразу прекратилось. В дверном проеме стояла девочка, лет пяти-шести, одетая в белое платьице, на голове два хвостика, смотрящие в разные стороны, перевязанные двумя бантами. Один хвостик красным бантом, второй – желтым. Она замерла, рассматривая меня не то с интересом, не то с испугом.

– Привет, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более дружелюбно.

Глаза ее вдвое увеличились в размерах. Она бросилась прочь, я побежал за ней. Я догнал ее в коридоре, по всей видимости, она свернула не там, где хотела, и оказалась в тупике. Упершись спиной в стену, прижавшись как можно сильнее, почти слившись со стеной, она со страхом изучала меня.

– Привет, – повторил я, – кто ты?

– Мне нельзя лазговать с незнакомыми. – Ответила она дрожащим, но решительным голосом.

– Меня зовут Оскар, – представился я. – Вот видишь, – продолжил я ласковым голосом, – теперь я не незнакомец, теперь ты знаешь меня. А кто ты?

– Я?

– Да, как твое имя?

– Меня зовут Ева. – Представившись, она, кажется, стала бояться чуть меньше, ее голос перестал дрожать, и она отошла от стены на пару шагов.

– Сколько тебе лет, Ева?

Она вытянула вперед обе руки. На правой руке она расто-

пырила все пять пальцев, на левой оттопырила только указательный. Шесть лет.

– Ты здесь живешь? Одна?

– Нет. У меня много друзей. Но они куда-то плопали. – Ева говорила спокойно, ничуть не стесняясь, не выдавая более признаков страха.

– И ты не знаешь куда?

– Пелвым плопал Том, потом Алиса. Они все оставили меня... – из глаз девочки потекли слезы. Обняв меня, она всхлипывала у меня на плече. Похоже, она уже давно одна, без друзей, без кого бы то ни было еще. Бедное дитя. Я вспомнил орудия пыток, находящиеся в подвале. Вероятно, там дети и провели последние минуты, часы или дни. Что за чудовищное место?

Когда она успокоилась, я спросил:

– И никто не заботится о тебе сейчас?

– Тетя Сильвия. Она живет навелху. Она плидумывает лазные иглы и дает кушать, если я себя холошо веду и если не попадаюсь ей на глаза. Она так говоит.

– Игры? – Спросил я.

– Подем, я покажу.

Она взяла меня за руку и повела в комнату, где мы впервые с ней встретились несколькими минутами ранее. Труп все так же свисал с потолка. В отличие от меня, на Еву это зрелище никак не подействовало, как будто это привычно для нее, словно труп под потолком – неотъемлемая часть ин-

терьера. Она отпустила мою руку. В углу комнаты лежала длинная деревянная палка и темный широкий шарф.

– Вот, – сказала она, – ты умеешь в это играть?

– Нет, – честно ответил я. Я был в полном недоумении. Что-то смутное, какое-то подозрение зародилось у меня в голове, но я еще не понимал до конца, во что Ева собирается играть.

– Я тебя научу, – сказала Ева и протянула мне шарф. – Завяжи мне глаза, пожалуйста. – Я подчинился и набросил шарф ей на глаза и не туго завязал.

– Так нормально? – Спросил я.

– Ага, – кивнула девочка и размахнулась палкой. Она со свистом рассекла воздух, чуть не задев меня. Я отпрыгнул со вскриком. Она засмеялась звонким детским смехом. Ева сделала шаг вперед и взмахнула палкой еще раз. Потом еще и еще, делая шаг вперед после каждого взмаха.

– Где он? – спросила она грустным голосом, будто собиралась снова заплакать. Я стоял в растерянности и не мог ничего ответить. Она медленно шагала вперед, водя палкой из стороны в сторону. Палка коснулась висящего вниз головой тела. Девочка радостно вскрикнула:

– Нашла тебя!

Палка рассекла воздух сверху вниз и прошла в нескольких сантиметрах от новой игрушки Евы. Она подошла на несколько маленьких шагов вперед и размахнулась. Палка с хрустом врезалась в тело. Затем еще и еще. Девочка с азар-

том была беднягу снова и снова, на лице у нее появилась странная улыбка. Палка, описывая полукруг, впивалась в тело, раскачивая его. Губы на лице трупа растянулись в злобной и довольной улыбке, словно он все чувствовал и ему нравилось то, что происходило. Последний удар пришелся в шею. Голова оторвалась, пролетела несколько метров и ударилась о стену. Из трупа посыпались сотни и тысячи разноцветных, синих, зеленых, желтых, красных, оранжевых конфет, различных форм и размеров. Под телом образовалась большая кучка сладостей, а от человека осталась только пустая оболочка. Он стал похож на кожаный мешок. Мягкий и бесформенный футляр для человеческого тела.

– У-у-ул-ла-а – Ева ликовала, прыгая на месте и активно хлопая в ладоши. Ева подбежала к куче, порылась в ней и протянула мне небольшую горсть конфет.

– На, – сказала она, улыбаясь. Я взял, мне ничего не оставалось, как принять ее дар. Я положил конфеты в карман, я не мог заставить себя съесть хоть одну.

Ева же наоборот не испытывала никаких негативных чувств. Она сидела на полу, скрестив под собой ноги и обложившись конфетами. С огромной скоростью она отправляла в рот конфеты одну за другой. Казалось, что она глотает их, даже не пережевывая. Утолив первичный голод, она с видом эксперта перебирала конфеты, раскладывая их в несколько кучек поменьше, и что-то бормотала себе под нос, то ли какую-то детскую песенку, то ли считалочку.

– Эта не вкусная, – вдруг сказала она громко и бросила конфету через плечо, – эти тоже, – продолжила она, выбросив еще пригоршню конфет. Через некоторое время куча позади Евы увеличилась в размерах вчетверо. Закончив с сортировкой, девочка принялась снова поглощать конфеты, но уже медленнее, тщательно разжевывая каждую.

– Ева, – позвал я осторожно.

– Не мешай, я кушаю. Когда я ем, я глух и нем, – резко сказала она, даже не повернув головы и не прекратив аппетитно жевать. Мне ничего другого не оставалось, как сидеть покорно и ждать, пока она не насытится. Наконец, она закончила пиршество. Еще оставалось небольшое количество сладкого. Она загнула подол платья и положила туда остатки конфет. – Все, я сытая, – с довольным видом заключила она и подошла ко мне. – Угощайся, – сказала Ева, взглядом показывая на угощение. Мне пришлось протянуть руку и взять у нее несколько конфет. Она пристально смотрела на меня, ожидая, когда я попробую одну из них. Под ее взглядом я почувствовал себя неуютно.

– Ну? – спросила она.

Я развернул фольгу, в которую была завернута конфета и, борясь с тошнотой и отвращением, отправил ее в рот. Она оказалась слишком сладкой для меня, шоколад с начинкой из тягучей карамели. Я проглотил конфету, молясь, чтобы желудок выдержал, чтобы меня не вырвало. Она свободно проскользнула по пищеводу, девочка широко улыбнулась. Я

ответил ей вымученной улыбкой. Ева взяла меня за руку и произнесла:

– Подем, Оскал.

– Куда? – Она не ответила, лишь настойчиво потянула за руку.

Ева отвела меня назад в холл и повела вверх по лестнице на второй этаж. Ступени при каждом нашем шаге издавали пронзительный высокий скрип. При каждом шаге я был готов услышать хруст трескающихся, ломающихся досок, и мы покатымся кубарем вниз по лестнице идущей вверх. При каждом кувырке, при каждом перевороте суставы будут смещены, вывихнуты, повернуты под невероятным, неестественным углом, кости будут с хрустом ломаться, разорвав кожу, острые осколки и обломки костей будут торчать во все стороны, впиваясь в мягкие ткани при последующих кульби-тах, разрывая внутренние органы, заставляя их кровоточить. Скорее всего, сознание покинет нас уже после семи или восьми переворотов, когда боль станет адской и нестерпимой, и, в счастливом неведении, мы полетим навстречу деревянному полу, о который расколется наши черепные коробки и мозговая жидкости брызнет на уже давно немытый пол, смешавшись с вековой пылью, она приобретет удивительный, ни с чем не сравнимый вкус, который так понравится, уже ставшим законными хозяевами этого дома, крысам и паукам, которые устроят знатный пир на наших останках.

Я насчитал пятнадцать ступеней. Пятнадцать шагов в

неизвестность, но все обошлось. Второй этаж был в таком же состоянии, обширная паучья сеть покрывала каждый миллиметр стен и потолка. Доски, прогнившие насквозь, скрипели и хрустели при малейшем давлении на них. Хождение по ним – все равно, что играть на минном поле в жмурки, никогда не знаешь, какой шаг окажется последним, и ты взлетишь на воздух, или, в данном случае, полетишь на этаж ниже, что тоже, скорее всего, окончится летально.

Как оказалось, на втором этаже располагались детские спальни. Десять комнат, в каждой из которых когда-то жили по четыре ребенка. Комната Евы находилась в самом дальнем углу здания. Мы вошли. Затхлый запах старья забивался в ноздри. По углам комнаты стояли четыре аккуратно застеленные кровати. Пыль все так же толстым слоем покрывала пол, однако, в одном из углов, по всей видимости, там, где спала Ева, было кристально чисто, словно каждый день проводилась генеральная уборка.

– Это моя комната, – сообщила Ева.

Я осмотрелся. Возле ее кровати лежало множество кукол, каждая из которых многое повидала и пережила на своем веку. Каждой кукле недоставало какой-либо части тела, будь то голова, рука, нога или глаз. Около кровати стояла тумбочка, с тремя выдвигаемыми шкафами, по углам которых были прибиты гвозди. Их шляпки, как грибы после дождя, густо их усеивали. Ручки были отломаны с корнем, так что шкафчикам не суждено было больше открыться. На тумбоч-

ке небольшая настольная лампа и миска с конфетами, куда Ева досыпала сладостей, оставшихся после ее недавнего обеда.

– Тут уютно, – солгал я, надеясь, что голос и интонация меня не выдадут. – Ева, а тебе не скучно жить здесь одной?

– Я не одна. Вон там, – она указала пальцем на кровать в противоположном углу, – спит Виктол. – Грустным голосом она добавила, – но он уже давно не плюсыпается. – Ева всхлипнула пару раз, но не заплакала, видимо, уже давно смирилась.

Я подошел к указанной мне кровати. Под одеялом кто-то мирно спал. Я отдернул одеяло и в ужасе отшатнулся. Череп, увенчанный парой прядей редких волос, лежал на подушке. На серых от пыли простынях покоилось полусгнившее тело маленького мальчика. Пустые глазницы безучастно смотрели в потолок. Мальчик умер, и уже давно.

Я бросил взгляд на Еву. Она спокойно сидела на кровати, подогнув под себя ноги, и играла с куклами. Несколько кукол лежали в ряд напротив Евы. Оторвав одной из кукол все конечности, девочка пыталась приделать их к другой игрушке. Почувствовав мой взгляд на себе, она повернула голову. Увидев мою заинтересованность, она сказала:

– Я хочу их вылечить. Я уже многих вылечила. – Она прыгнула на пол и достала из-под кровати несколько безобразных кукол. С помощью изоленды и гвоздей Ева приделывала куклам недостающие, но не подходящие по размерам

части тела. Маленькие Фракенштейны, со своими слишком длинными руками и неподходящими по размеру ногами, напоминали зомби из старых фильмов ужасов. Ева протянула мне одну из кукол-пациентов. Я повертел ее в руках и сказал:

– Ты молодец. Из тебя получится отличный доктор, когда вырастешь.

Она улыбнулась, явно довольная результатом своих трудов. Вдруг, неожиданно, низкий басистый голос прокатился по всему особняку:

– Е-Е-Е-В-А-А! ГДЕ ТЫ? ТЫ ОПЯТЬ РАСКИДАЛА СВОИ ИГРУШКИ ПО ВСЕМУ ДОМУ!!

– Это тетя Сильвия! – В ужасе воскликнула девочка. – Не говори ей, что я здесь. Пожалуйста, – умоляла меня Ева. Когда я кивнул, девочка упала на четвереньки и с особой звериной ловкостью и грацией заползла под кровать. Высунув в последний раз свое детское напуганное лицо из-под кровати, Ева приложила палец к губам и прошипела:

– Т-ш-ш-ш...

Я снова кивнул, и в этот же момент дверь отворилась. Высокая, плотная женщина, весом килограмм в двести, с огромной грудью и таким же огромным животом, свисавшим до колен, ввалилась в комнату, разгневанно озираясь по сторонам. Увидев меня, она изменилась в лице. Широкая, доброжелательная улыбка нарисовалась на ее губах.

– Здравствуйте, – пробасила женщина. С первого взгляда, с самых первых ее слов я почувствовал отвращение к ней. Я

решил, во что бы то ни стало, защитить маленькую, напуганную, беззащитную девочку, пусть она и была лишь плодом моего воображения.

– Здравствуйте, – ответил я как можно вежливее и учтиво поклонился, – Меня зовут Оскар. Я проходил мимо, дверь была не заперта, и я решил зайти, посмотреть. Честно говоря, я очень заинтересовался вашим заведением. – Слова легко слетали с губ, словно я говорил прописанный заранее и вызубренный текст какого-нибудь дешевого сценария.

– Что ж, прекрасно, прекрасно, – ответила она. – Может быть, проследуете в мой кабинет. Там я вам все подробнейшим образом расскажу о нашем прекрасном и чудесном заведении.

Она вышла из комнаты, я следом за ней. Я не осмелился оглянуться и посмотреть как там Ева, боясь ненароком выдать себя, но я чувствовал, что она испытала облегчение, когда мы покинули ее спальню. Женщина походила на ледокол, прокладывающий путь через хлам, разбросанный повсюду, к ее кабинету на третьем этаже. За ее огромным телом можно было спрятать десяток, а то и больше детей.

Кабинет был шикарно обставлен. Качественная дорогая мебель, картины на стенах, занавески из дорогих тканей. Кабинет не принадлежал этому дому. Как будто дверь кабинета являлась порталом в совершенно другой и не похожий на все вокруг мир. Она уселась за свой рабочий стол из красного дерева и жестом указала мне на кресло напротив, куда я и

сел.

– Я не представилась, простите меня. Где же мои манеры? Меня зовут Сильвия. Напомните, пожалуйста, как ваше имя, молодой человек. – Сказала женщина.

– Оскар. Мое имя Оскар. Как я понимаю, вы здесь заведуете всем. Это что-то вроде приюта для детей? – Спросил я.

– Вы совершенно правы, я здесь работаю и являюсь хозяйкой. Но вы ошиблись в другом. Это не совсем приют. Я здесь спасаю.

– Детей?

– Дети... разве они нуждаются в спасении? Эти маленькие, мерзкие наглецы, вечно пакостящие и портящие жизнь другим, – она на секунду задумалась. – Я спасаю их родителей.

По всей видимости, мое недоумение отразилось на моем лице. Она продолжила.

– Видите ли, эти дети – потенциальные преступники, грабители, убийцы, насильники. Я просто напросто хочу убедить их родителей от позора за свое чадо в будущем, а заодно и мир очистится. – Она говорила с искренней верой в свои слова, будто сам Господь направляет ее руку. – Эти детки превращают жизнь в кошмар. Посмотрите на них. У любящей пары рождается сын, или дочь, и вся их жизнь сразу же переворачивается с ног на голову. Они не спят ночами, ссорятся, чья очередь менять пеленки и кормить. Дальше-больше. И все заканчивается чем? Они носят передачи своему

отпрыску в тюрьму, клейменные позором, что вырастили такое чудовище.

– Я вижу, вы преследуете благородную цель, – губы у меня скривились в улыбке. – Какие же меры вы принимаете для этого?

– Здесь все очень просто, методов огромное количество: от иголок под ногти, до подвешивания за ноги; от лишения еды, до купания в котле с кипящей водой... – Пока она рассказывала, я кивал ей в знак согласия, делая вид, что понимаю и одобряю ее действия. Перед глазами стояли все те приспособления для пыток, с которыми я имел несчастье познакомиться здесь. Я лихорадочно соображал, что же предпринять, чтобы увести отсюда Еву. Я был уверен, что просто так она мне девочку не отдаст. – Все эти способы, – закончила Сильвия, – очень действенны, и, поверьте мне, дают прекрасный результат.

– Не могу с вами не согласиться. Признаться, у меня самого двое змеенышей. – Я заметил, как в глазах у нее заблестел огонек. Похоже, ее обрадовала перспектива увеличения численности подопечных. – Я уже давно подыскиваю подходящее местечко для них.

– Это же прекрасно! Вы попали точно по адресу! Сколько им лет?

– Старшему – пять, а младшему три. Может быть, вы можете что-нибудь посоветовать мне?

– Ну, конечно же! Почему бы вам не привести их сюда?

Скажем, завтра. Я уверена, здесь им самое место. Я со всей своей ответственностью сообщаю, что им здесь будет уделено особое внимание.

– Вы правы, мы так и сделаем, – я поднялся. – Вы не против, если я здесь еще немного осмотрюсь? Хочу поглубже проникнуться вашими методами, почувствовать эту атмосферу.

– Конечно, конечно, – ответила она, явно довольная, – будьте, как дома. Буду ждать вас завтра с детишками. Я приготовлю что-нибудь особенное к вашему приходу. – Мне не понравилась интонация, с которой были сказаны последние слова, и дьявольски садистский огонек, блеснувший на мгновение в ее глазах. Я ничего не ответил ей, лишь кивнул и отвернулся, так как не мог больше сдерживать свои эмоции по отношению к этому монстру. Я спустился на второй этаж и вернулся в спальню Евы.

– Ева, – позвал я тихо, – можешь выходить, тут безопасно.

Из-под кровати высунулось испуганное, запачканное, заплаканное детское личико.

– Она ушла? – Спросила девочка.

– Да, она пока далеко. Пойдем, я уведу тебя отсюда.

Ева вылезла из-под кровати, подошла ко мне и обняла, я ответил тем же. На самом деле, я не представлял себе, что делать, когда мы выйдем из дома, в тот момент я забыл, что мне снился сон. Я взял девочку на руки и понес к выходу. Она обхватила мне шею и тихонько посапывала, как будто засну-

ла. Мы спустились на первый этаж. В дверях стояла Сильвия, охранявшая выход, словно цербер.

– КУДА ЭТО ВЫ СОБРАЛИСЬ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК? – прогрохотала она своим низким голосом. – КАК ТЫ СМЕЕШЬ ВТОРГАТЬСЯ В МОЙ ДОМ? ОБМАНЫВАТЬ МЕНЯ? ПОХИЩАТЬ МОЮ ДЕВОЧКУ? – Ее голос грохотал, напоминая гул взлетающего самолета. Казалось, что даже воздух дрожит от страха, при звуках ее голоса. Пальцы нервно сжимались и разжимались. Глаза у нее горели яростным огнем. Казалось, ее взгляд может с легкостью воспламенить все вокруг.

Я опустил Еву на землю, она испуганно спряталась за меня, обхватив мою ногу. Я ничего не ответил. Я лишь стоял и смотрел на Сильвию, на привратницу, сверлил ее взглядом, надеясь силой воли заставить ее отойти. Она широким шагом двинулась на нас. Земля под нами дрожала при каждом ее шаге, как при землетрясении. Я попятился назад. У нас оставался единственный шанс. Спиной вперед, мы поднимались по лестнице, доски хрустели под нашим весом. Мы были на середине, когда Сильвия ступила на первую ступень, громко скрипнувшую под ее весом. Шаг за шагом я, держа Еву на руках, пятился выше и выше. Тяжелая нога Сильвии легла на очередную ступень, доска предательски треснула, отчего нога провалилась по щиколотку. Она вытащила ее и продолжила свое восхождение. Мы уже были на втором этаже, когда Сильвия ступила на тринадцатую ступень, доски

хрустнули, расколовшись в щепки. Ноги Сильвии ушли вниз по колено, секунду спустя она провалилась по пояс. С грохотом и криком она упала куда-то вниз под лестницу. Из дыры раздавались злобные крики, проклятья и обещания убить нас. Я аккуратно перепрыгнул через зияющую пропасть, и вышел, продолжая сжимать Еву в объятиях, из этого злого места.

Была ночь, звезды ярко мерцали на небе. Я стоял посреди детского парка. Позади меня детская, уменьшенная копия любого из старинных замков, где дети могут лазать и играть в свое удовольствие, представив себя рыцарями или прекрасными дамами, ждущими своего спасителя. В руках у меня вместо Евы оказалась кукла-франкенштейн, похожая на те, что она мне показывала. Одноглазая, рука перемотана изолентой, на туловище черные отметины от огня. А девочки и след простыл. Она испарилась.

Что со мной произошло? Где я побывал? Я видел сон? Или наоборот я сплю сейчас? Тысяча вопросов, на которые не было ответов. Я медленно схожу с ума.

Я почувствовал невероятную усталость. Медленно ковыляя, как черепаха, или скорее как ленивец, я побрел домой. Ноги не желали слушаться. Из последних сил я заставлял себя перебирать ногами, чтобы хотя бы к утру добраться до своей мягкой постели. Полчаса понадобилось, чтобы доползти до дома. Совсем не плохой результат, учитывая мое состояние. Меня хватило только на то, чтобы раздеться и плюх-

нуться в кровать. Морфей не заставил себя ждать. Я провалился в сон без сновидений.

Визгливый звон будильника вторгся в мой сон, возвращая меня к реальности. Я совсем не чувствовал себя отдохнувшим, казалось, наоборот еще большая усталость овладела мной, придавив к постели, не позволяя подняться. Я набрал своего босса, и, сославшись на болезнь, попросил отпуск за свой счет. Он любезно согласился. Не успел я повесить трубку, как снова оказался в стране грез.

Я проснулся под вечер. Изрядно отдохнувший и посвежевший. Прохладный душ смыл последние признаки усталости, вернув бодрость и трезвость ума. Вчерашние события казались просто полузабытым сном, чем и являлись на самом деле, но все же определенный осадок в душе они оставили. Я почувствовал острую потребность поговорить с кем-нибудь, рассказать все, облегчить душу. Поговорить с тем, кто поможет отделить сон от реальности, или хотя бы понять и выслушать.

Я набрал номер Кристины, своей лучшей подруги. Я в нетерпении считал гудки. Один, два, три... палец уже нащупал красную кнопку, как с той стороны раздался веселый голос.

– Привет, Оскар!

– Привет, Кристина, как ты? Я тебя не отвлекаю?

– Ничуть.

– Мы можем встретиться? Я хотел бы поговорить с тобой.

– Как с другом или как с психологом? – Спросила она шутя.

– И то, и другое, наверное. Ну, так что?

– У тебя что-то случилось? Это на счет нашего прошлого ужина-свидания? – Как давно это было? Казалось, что прошла целая вечность с того момента, как я сбежал, вскочив на свой мотоцикл и укатив домой. Воспоминания уже стерлись в памяти.

– Нет, я бы так не сказал. Ну, ты свободна сегодня?

– Конечно! Я заеду за тобой через час, идет? Тебе хватит времени привести себя в порядок?

– Да, спасибо.

– Отлично! До скорого. – Она повесила трубку.

Она сказала через час, значит, у меня было еще полтора часа как минимум, чтобы перекусить и собраться. Ровно через час и двадцать две минуты я получил смс: «Я внизу».

Я спустился вниз, у подъезда, оперевшись на капот машины, ждала Кристина. Она поздоровалась, искренняя улыбка светилась на лице, обняла меня и поцеловала в щеку.

– Такое чувство, что мы не виделись целую вечность. Как ты? Чего нового?

– Да так, все по-старому. – Ответил я уклончиво. – Я гляжу, ты процветаешь. Новая машина?

– Да, только вчера купила. – Она хлопнула ладонью по капоту. – Моя малышка! Оказывается, частная практика хоро-

шо оплачивается. – Сказала она с ноткой гордости за себя. – Куда поедем?

– Удиви меня, – сказал я, усаживаясь на пассажирское сидение.

– Знаешь, ты мог бы хоть раз поухаживать за мной. Хоть бы дверь открыл мне. – Проворчала она, садясь за руль и поворачивая ключ зажигания. Мы обменялись взглядами и улыбнулись друг другу.

Новенькая машина несла нас по городу. Я смотрел в окно, наслаждаясь комфортом, будто едешь в своем любимом кресле. Я поделился этой мыслью. Кристина рассмеялась, согласившись. Больше я не проронил ни слова. Кристина первой нарушила молчание:

– Ты сам не свой, Оскар. Что стряслось?

– Не знаю. Как-то грустно.

– М-м-м... ты давно ходил на свидания? – Спросила она неожиданно, застав меня врасплох.

– Что? Ты о чем?

– Да ладно тебе, вы уже полгода, как расстались. Пора бы и о себе подумать. Ну, так, как давно?

– Совсем недавно. Уж ты должна прекрасно это помнить.

– Это не считается. Ты слинял быстренько, выставив меня дуррой перед подружкой, я для тебя старалась, расхваливала, а ты... – кажется, она была слегка зла на меня.

– Ну, в таком случае уже давно.

– Оскар, – сказала она с сочувствием, – так же нельзя.

Нельзя всю жизнь горевать об этом. Двигайся дальше. Иначе всю жизнь в одиночестве проживешь. Да, ты потерял ее, но это не повод стоять на месте. Жизнь то идет. Тебе надо найти хорошую девушку и поскорее.

– Где же я ее найду?

– Ну, мест много. Девушки везде водятся.

– Да, но... всем нужны деньги. А такую, какую нужно мне, найти почти невозможно.

– Какая же тебе нужна?

– Это сложный вопрос. Милая, добрая, веселая, понимающая, верная. – Я думал о Кристине, перечисляя эти качества. Она была той, с кем мне хотелось быть вместе. – Чтобы любила меня таким, какой я есть, чтобы заботилась обо мне, и позволяла заботиться о себе. Чтобы ее надо было завоевывать. Поступками, а не деньгами. Звучит ужасно наивно, но...

– А ты романтик, – перебила она, улыбнувшись, – если бы я не знала тебя, подумала бы, что ты говоришь обо мне.

– Всякое может быть, – сказал я, на самом деле, так и было.

– При-и-ехали, – пропела она.

Мы остановились у маленького ресторанчика недалеко от центра.

– Один из моих пациентов владеет этим местом, – сказала Кристина. – Поэтому, для меня здесь всегда есть столик.

Ресторанчик был небольшим, всего пятнадцать столи-

ков. Приглушенный свет создавал романтическую атмосферу. Тихая, приятная мелодия лилась из колонок. Официанты, одетые в классические костюмы тройки сновали взад и вперед, обслуживая гостей по первому разряду. Портье проводил нас к дальнему столику, на котором стояла табличка. «Зарезервировано». Официант зажег для нас свечи и принес меню.

– Могу я вам что-нибудь посоветовать? – Услужливо поинтересовался он.

– Нет, спасибо, мы вас позовем, – ответила Кристина.

Официант удалился. Я принялся изучать меню. Большинство блюд были экзотическими и непомерно дорогими. Тут были и устрицы, и улитки, и лягушки, и черепахи, все это готовилось не менее, чем пятью различными способами. Напитки тоже отличались оригинальностью. Всевозможные вина, о которых я раньше и не слышал, коктейли, намешанные из, казалось бы, несочетаемых ингредиентов. Я захлопнул меню.

– Дарю тебе право выбора, – торжественно произнес я.

Кристина подняла руку, секунду спустя подошел официант.

– Вы готовы сделать заказ? – спросил он, хотя это было и так понятно, иначе его бы не звали.

– Да, – сказала Кристина, – нам, пожалуйста, вот эту пиццу, – она указала пальцем куда-то в меню, – и два бокала пива.

– Один бокал, – перебил я ее, – я буду сок. Три части грейпфрута, одну часть лимона, без сахара, спасибо.

– С каких это пор ты не пьешь? – спросила Кристина, когда официант отошел. – Я, кажется, что-то пропустила.

– Со вчерашнего дня. У меня случился инцидент, именно о нем я и хотел рассказать тебе, – честно признался я. Я рассказал ей все, без утайки: про свой сон, про бредовые идеи, про попытку напиться до беспамятства, про бесконечный коридор, про странный лес, про особняк, про девочку. Когда я закончил, нам уже принесли наш заказ, но к пицце никто из нас не притронулся. Кристина выглядела озабоченной, я же наоборот испытал облегчение. Мне сразу же стало легче, словно с груди камень сняли. Я взял кусок пиццы и сделал большой укус.

– Что скажешь? – Спросил я.

– Никогда не сталкивалась ни с чем подобным. Если бы ко мне на прием кто-либо пришел с подобной историей, я бы содрала с него двойную цену, – медленно проговорила она, пытаясь пошутить.

– Может, я схожу с ума?

– Нет, это отпадает. Раз ты сам можешь проследить изменения своего состояния, то ты не сумасшедший. По крайней мере, пока не сумасшедший.

– Это обнадеживает. – Я почувствовал облегчение, узнав, что, по крайней мере, меня не запрут в лечебнице. – У тебя есть какая-либо теория на мой счет?

– На самом деле есть. Даже две. Первая, – начала она, – ты сомнамбула, лунатик. Твое снохождение может быть отражением твоих снов, то, что снится тебе, ты бессознательно повторяешь. Учитывая, что сны у тебя отличаются оригинальностью и богатством образов и фантазий, лучше тебе спать пристегнутым к постели, иначе это может быть опасно не только для тебя, но и для окружающих. Ты можешь куда-нибудь свалиться, попасть под машину, может даже убить кого-нибудь. Причиной может быть стресс или тревога.

– Все это не очень радостно, и звучит как будто цитата из учебника – пробормотал я. – А вторая теория?

– Ты попал в параллельную вселенную.

– Что за глупость?

– Конечно, научно не доказано существование параллельных миров, но, честно говоря, мне этот вариант нравится больше. Это так романтично, так здорово изведывать неизведанное. Про тебя бы писали книги, снимали фильмы, разве не здорово?

– И это говорит ученый психолог. Может зря я к тебе обратился?

– На самом деле, тебе бы подошел кто-либо более подкованный в этих делах. Я же только слушаю расстроенных домохозяек и их мужей и поддакиваю время от времени, пока они ищут пути разрешения своих конфликтов.

Несколько минут мы сидели не разговаривая. Она заказала еще пива, а я попросил повторить сок. Я обдумывал то,

что она сказала. Я пообещал себе обязательно лечь на лечение, если все будет повторяться.

– Кристина, – позвал я, – ты можешь что-нибудь посоветовать?

– Могу, но я не уверена, это, все-таки, не совсем мой профиль. Я же не психотерапевт.

– Да, но все же... я доверяю тебе. Пожалуйста.

– Ладно, тебе надо сменить обстановку. Отдохнуть. Съезди в свой загородный домик, поживи там недельку другую в тишине и покое. – Она немного помолчала. – Или найди девушку, это было бы лучше.

– Девушку? Опять ты за свое. – Она улыбнулась, но ничего не ответила. Я решил сменить тему. – Как там Гарри?

– Хорошо, в следующем году идем в школу.

– Такой большой уже. Так незаметно летит время.

– Да, ты прав. – Она слегка погрустнела. – Знаешь, ему не хватает мужского внимания. Ты не хочешь зайти к нам? Ты нравишься Гарри. К тому же, он пару раз спрашивал, когда же дядя Оскар снова нас навестит.

– Отличная идея, – искренне сказал я, улыбнувшись.

– Тогда поехали?

Мы оплатили счет и вышли.

Кристина жила со своим маленьким сыном Гарри на шестом этаже в десятиэтажке в центре города.

– Гарри! – Крикнула Кристина с порога. – Смотри, кто к

нам пришел в гости.

– Дядя Оскар! – радостно закричал мальчик, выбежав в прихожую в пижаме. Мальчик повис у меня на шее. Я потрепал его по голове, когда он отпустил меня.

– Гляди-ка, какой большой стал, – улыбнулся я. – Не обязательно называть меня дядей, Гарри, просто Оскар. Мы ведь друзья, не так ли?

– Конечно, эмм... Оскар. Ты поиграешь со мной?

– Разумеется, во что будем играть?

– Гарри, – перебила Кристина, – дай дяде Оскару раздеться и передохнуть немного. Может, сможешь заварить чаю?

– Не переживай, мы обязательно поиграем, но чуть попозже, – ободрил я мальчика.

– Обещаешь?

– Обещаю, – сказал я, подняв правую руку, словно давал присягу на суде. – Слушайся маму.

– Ладно.

– Проходи в гостиную, – сказала Кристина, – мы мигом.

Гостиная была просторной, моя квартира поместилась бы в ней целиком, и еще бы осталось место. В центре стоял шикарный кожаный диван, на который я присел. Он сразу принял форму моего тела, обеспечив мне максимально возможный комфорт. Я включил огромный телевизор, висящий на стене напротив. Пощелкал каналами, как всегда смотреть было нечего. Двести каналов, а показывают одну ерунду. Я остановил свой выбор на канале для детей, где как раз кру-

тили новую серию «Симпсонов». Я от души посмеялся над проделками Эль Барто, как он себя иногда называет, пока ждал хозяев дома.

На большом подносе Кристина, с помощью своего сынишки, несла три кружки чая и три тарелки с тортом. Она поставила угощения на кофейный столик, перед диваном.

– Выглядит аппетитно, – сказал я.

– На вкус еще лучше, – произнес Гарри.

Я отломил кусочек торта и отхлебнул чаю.

– Ты прав, Гарри, – сказал я с набитым ртом. – Как у тебя дела, Гарри? Помогает маме с хозяйством?

– Ага, – кивнул он.

Мы поговорили еще о том, о сем. Покончив с чаем, Гарри оживился.

– А теперь играть, играть, играть!

– Отличная идея! – Воскликнул я, – во что будем?

– Не знаю, а во что ты умеешь?

– Я? Я умею во все. Командуй, капитан, сегодня ты главный.

Он убежал в свою комнату. Мы с Кристиной переглянулись. Гарри вернулся через несколько минут, держа в руках огромную настольную игру. Мы отодвинули столик, за которым только что пили чай, и разложили игру. Игра была основана на чистой случайности. Бросаешь кубик, двигаешь фигурку на столько клеток вперед, сколько выпало очков на костях, наступив на клетку с лестницей – поднимаешься по

ней, наступив на клетку со змеей, скатываешься назад. Побеждает тот, кто первым доберется до финиша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.